

94(476)
Ц 208

Ираида Царюк

Крутые ДОРОГИ

Сергею Притыцкому
посвящается

94/476)
Л 208

Ираида Царюк

Крутые ДОРОГИ

Сергею Притыцкому
посвящается

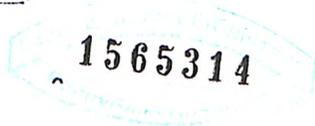

Президентская библиотека
Республики Беларусь

Ф.К.

Минск
«Рифтур»
2012

УДК 94(476)
ББК 63.3(4Бел)
Ц20

Ц20

Царюк, И.О.

Крутые дороги посвящается Сергею Прищипко / И.О. Царюк. –
Минск : Рифтур, 2012. – 256 с. : ил.

ISBN 978-985-7047-43-7

Эта книга – воспоминания доктора исторических наук, профессора И.О. Царюк.

На фоне истории своего родного края, борьбы белорусского народа за социальное и национальное освобождение в Западной Белорусии, героизма в период Великой Отечественной войны, самоотверженного труда в послевоенные годы рассказывается о своей семье, жизни видного политического и государственного деятеля С.О. Прищипко, его соратниках и друзьях.

Книга предназначена для широкого круга читателей, всех, кто интересуется историей Беларуси. Обширный фактический и документальный материал может заинтересовать историков, студентов исторических факультетов.

УДК 94(476)
ББК 63.3(4Бел)

ISBN 978-985-7074-43-7

© Царюк И.О., 2012
© Оформление. УП «Рифтур», 2012

*Посвящается моему брату
Сергею Притыцкому*

От автора

В жизни каждого человека, да и народа, существуют какие-то незримые, возможно, не всегда объяснимые связи, нити. Они проникают в разные временные, территориальные измерения и образуют ту среду, те условия, которые становятся твоей судьбой. Мое жизненное и временное пространство – это детство на Белостотчине, детский дом в Саратове, ремесленное училище в Москве, Несвижское педучилище, Белорусский государственный университет в Минске.

Для нашей семьи Притыцких жизненным и временным пространством стали Белостотчина, XX век, где прошли наше детство, взросление и осознание своего места в жизни. Будучи очевидцем и участником жизни белорусов в условиях межвоенной Польши, могу смело утверждать, что это судьба не только моей семьи, но и семей П. Волошина, Б. Тарашкевича, И. Добрилина, В. Царюка, П. Железниковича, П. Пестрака, Максима Танка, И. Дворчанина и многих других, с которыми наша жизнь была связана тесным образом. Тяжелые условия жизни, мечты о светлом будущем, идейная убежденность, революционный романтизм вели их по крутым дорогам подполья, забастовок, стачек, тюрем. Жизнь этих семей, как в капле росы, находит свое отражение в судьбе всего народа Западной Белоруссии.

Со всем нашим народом пройдя военными дорогами, мы нашли свое место в восстановлении разрушенной войной Беларуси, в честном труде для развития и процветания нашей прекрасной Родины.

Ярким примером этого является судьба, жизнь, борьба и служение своему народу Сергея Осиповича Притыцкого, которому в 2013 году исполнилось бы 100 лет. Ему, моему брату, его друзьям, соратникам, моей семье посвящены эти воспоминания. Предлагаемая книга – итог прожитого и пережитого мною, восстановленного в памяти. Многие в этой книге почерпнуто из рассказов родных и близких, бывших подпольщиков, партизан Великой Отечественной войны и товарищей по работе. Как историк, я не могла не использовать и документальные материалы.

Хочу низко поклониться всем тем, кто боролся за национальную независимость Западной Белоруссии, всем тем, кто, не жалея своей жизни, сражался плечом к плечу с моими братьями против немецкого фашизма. Большое спасибо всем тем, кто был рядом с Притыцким, поддерживал его, понимал и помогал в нелегком труде всего послевоенного времени. В сущности, эта книга и о них.

При их поддержке и, конечно же, родных, прежде всего моего мужа Александра Царюка, дочери Натальи Царюк, Тамары Притыцкой (дочери С.О. Притыцкого), эта книга смогла увидеть свет, за что я им бесконечно благодарна.

Глава I. Начало пути

Часть I. Истоки

Когда очевидцы молчат, рождаются легенды. Мне же хочется рассказать о моей семье максимально достоверно, вспомнить свидетельства очевидцев, привлечь сохранившиеся документы, мобилизовать свою память, рассказы родных и близких. Это даст возможность ощутить прошлое, как нечто совершенно конкретное. Даже самые скромные штрихи могут вернуть времени реальную окраску.

В истории Беларуси и Подляши название определенной территории, находящейся на западе одной страны и востоке другой, закрепилось как «Западная Белоруссия», или, для Польши, как «Кресы Восточне». О событиях в этом скромном, но, по-видимому, очень значимом регионе, если о его людях, общественно-политических, культурных явлениях снимались кинофильмы, писались как художественные, так и научные книги, велись политические споры и военные баталии, особенно в межвоенный период Польши: от Брестского мира до сентября 1939 г., я и хочу рассказать. Этот клочок земли на политических картах Европы и по сей день не дает покоя некоторым горячим головам.

Что же лежало в основе? Где истоки этого интереса и бьющей ключом общественно-политической жизни, проникнутой героико-романтическими идеями, главным образом среди молодежи, в 20–30-е годы XX столетия?

Важнейшая роль в этом принадлежит удивительной и, пожалуй, поразительной по содержанию истории нашей местности.

В XIV–XV вв. в этих местах смыкались ближайшие пуцци: Молевицкая, Новодворская и Букштельская. Но со временем леса вырубались на продажу для построек. Отвоеванная у леса земля застраивалась, обрабатывалась. Так и поветовый город Соколка возник на лесной вырубке, вырос из охотничьей усадьбы.

Много внимания Соколке и ее окрестностям уделила 30-летняя жена короля Польши Сигизмунда Старого Бона Сфорца, которая в 1523 г. по-

лучила в подарок от мужа эти земли. Однако геополитическое место определило исторические судьбы Беларуси, а с ней и Соколыщины.

Некогда Великое княжество Литовское, куда входили наши земли и первой столицей которого был город Новогрудок, имело свою первую в Европе Конституцию, а государственным языком его был белорусский. Но в свое время военной силой и политическими интригами оно было разрушено.

На пять веков, со времени образования Великого княжества Литовского (ВКЛ) в начале XIII века и вплоть до XVIII столетия, моя Родина была сначала в составе ВКЛ, а с 1569 г., после Люблинской унии, объединившей Княжество Литовское с Польшей в составе образованного нового государства – Федеративной республики Речи Посполитой, интегрирована в западную историю. После разделов Речи Посполитой, когда белорусские земли вошли в состав Российской империи больше чем на 100 лет, – в восточную. Ею манипулировали, и она долго находилась меж берегов истории, мучительно, трудно выбираясь на тот путь, который ей был предначертан.

Много шумело здесь бурь и событий. Неоднократно белорусские войска разбивали войска Московского княжества (Немига, Орша). В свою очередь московские властители Иван Грозный, Екатерина II посылали свои войска на белорусские земли, разорили, жгли, уничтожали все, в том числе и их жителей. Будучи в составе Российской империи как западный рубеж ее границ, Беларусь стойчески принимала на себя первые удары врагов. Это прослеживается по всей истории наших земель – битв на Калке, Диком поле, Синей Воде, Куликовом поле.

Чего стоила битва с «жжикаками» – крестоносцами, войсками Тевтонского ордена! Да, она завершилась победой объединенных армий Великого княжества Литовского и Польского королевства. Основную же тяжесть в борьбе вынесли все же войска Великого княжества, которое состояло главным образом из белорусских хоругвей. Разгром крестоносцев под Грюнвальдом остановил агрессию Тевтонского ордена на восток. После нее в течение пяти столетий, вплоть до 1914 г., на земли Беларуси и Литвы не ступала нога вооруженного немца. Но тогда, в 1410 г., не было на белорусских землях ни одной деревни, ни одного города, которые не послали бы воинов на эту судьбоносную Грюнвальдскую битву.

А война Московского государства против Великого княжества Литовского, длившаяся 13 лет и унесшая 1,5 миллиона жителей белорусских земель! Хозяйство было разрушено, а для его восстановления не было ни людей, ни средств. Не успев восстановиться из руин и пепла, белорусская земля стала аренной новой войны – теперь России и Швеции. Шведские войска под командованием короля Карла XII опустошали города и села. Размеры опустошительных нападений шведской армии увеличивались походами короля Польши Августа II, сторонника

российского императора Петра I, и войск польских сторонников Карла XII под командованием Сапеги. Битва Богуслава Радзивилла при деревне Яново, недалеко от Соколки, с войсками польского короля Августа II, принесла новые разорения.

Белорусскими лесными дорогами шли на Москву уверенные в своей скорой победе войска императора Франции Наполеона Бонапарта и после своего поражения возвращались снова через земли Беларуси. Военные действия 1812 г. оставили на Соколычине не только могилы французских солдат, но и различные легенды, предания, поговорки.

Немало вытерпели люди в те годы. Самое ужасное, что часто трудно было разобраться, что же несет Наполеон белорусскому народу: освобождение от крепостной зависимости, возрождение Великого княжества Литовского или новую кабалу. Где игра, заигрывания, а где холодный дальновидный расчет французского императора? Поди, разберись, неграмотный крестьянин. Воюют белорусы и в армии Наполеона, и в армии Кутузова. Стало быть, с одной стороны, стреляли белорусские крестьяне, одетые в мундиры русской армии, а с другой – белорусы, но уже в мундирах наполеоновской армии. Где истина, где правда, где интерес народа? Одно ясно: война есть война, а это разорение, жертвы, страх...

А в мирное время – по-прежнему гнет господствующих классов, политическое и национальное бесправие. Власти ищут и преследуют своих противников и не очень жалуют бывших сторонников из народа. И как результат – во второй половине XVIII в. у жителей Соколычины, как и других районов Беларуси, стало пробуждаться сознание социальной несправедливости. Этому в первую очередь способствовало быстро растущее расслоение деревни. Оно зачастую принимало разительные размеры и формы. Первые ростки его появились во второй половине XVIII столетия в связи с кризисом реформ или, точнее, с попытками ускорить развитие промышленности в ущерб сельскому хозяйству, когда земли из сельского хозяйства изымали под промышленные, ремесленные постройки, мануфактуры, заводы. Владельцам же этих земель предлагалось либо оставаться работать в промышленности, либо переселяться в другие места. Это вело к увеличению земельного голода, росту количества лишних рук на селе, еще большему обнищанию крестьян.

Этому в немалой степени способствовала экономическая политика автора этих реформ Антония Тизенгауза, который в то время жил в Соколке. Он-то и начал проводить политику отчуждения земель у крестьян и возводить промышленные постройки. Им, в частности, было построено 17 первых кирпичных домов для ремесленников. И сегодня в Соколке есть улица Тизенгауза, названная в честь родоначальника города и развития здесь промышленного производства.

Повсеместно начались волнения крестьян. Наиболее распространенными формами крестьянского недовольства были поджоги помещи-

чких усадеб, сопротивление полиции, войскам, бунты. К ним относится и начавшееся в мае 1794 г. восстание под руководством Т. Костюшко.

Тадеуш Костюшко родился в семье белорусского шляхтича. Получил прекрасное образование: окончил Варшавский кадетский корпус, затем пять лет учился в Пражской военной гимназии, после окончания которой уехал в Северную Америку, где шла война за освобождение от английского владычества. Там он стал генералом и получил орден. После возвращения на Родину служил в польской армии в чине командира бригады. Т. Костюшко не принял второго раздела Польши. В стране начались волнения, вскоре переросшие в восстание, которое все очевиднее принимало широкие и угрожающие размеры. Практически все белорусские губернии поддержали его.

9 мая 1794 г., спустя несколько дней после начала восстания, Соколка официально заявила о своей поддержке Т. Костюшко, избрала свой руководящий комитет, который обратился к Костюшко с просьбой принять добровольцев в свою армию. Жители окрестных деревень приняли участие в организации охотничьих отделов, которые вместе с армией Костюшко участвовали в боях. Повстанцы взяли власть в городах Вильно, Гродно, Новогрудке, Слониме, Пинске, Кобрине, Волковыске, Лиде, Браславе. Русская императрица Екатерина II послала на усмирение восстания Александра Суворова во главе регулярных войск.

В сентябре 1794 г. восстание было подавлено. Суворов привез раненого Костюшко в Петербург, где тот был заключен в Петропавловскую крепость. После смерти Екатерины II ее сын, император России Павел I, вопреки воле покойной матери, щедро одарил Костюшко и разрешил ему выехать за границу. Тот избрал своим местом жительства Швейцарию, где и умер в 1817 г.

А. Суворов за беспощадное подавление восстания получил от императрицы щедрый подарок – Кобринскую волость, родину Костюшко, и около 50 тыс. белорусских крестьян. Такова была ее плата за пленение раненого Костюшко и разгром у деревни Крупчицы корпуса повстанцев под руководством генерала Сераковского.

События на территории Сокольщины происходили с невероятной скоростью и непредсказуемостью. Только что было подавлено восстание Костюшко, оставившее в народе накал борьбы, рост самосознания и горечь поражения. И вот идет новый раздел Речи Посполитой, третий (1795 г.), в результате которого Сокольский повет вошел в состав Пруссии. Правда, ненадолго.

Тильзитский мир 1807 г. уточнил территории, принадлежащие России, и Соколка с окрестными землями и населением вошла в созданный царскими властями Белостокский округ, а в 1843 г. эти земли вместе с округом были присоединены к Гродненской губернии России.

Естественно, российские власти для успешного проведения своей политики на присоединенных территориях должны были четко представлять, кто проживал в новых губерниях. Полностью игнорировать национальные и конфессиональные особенности нельзя. Поэтому делались шаги по изучению состава населения. Однако, как показывают документы, в то время не было научного подхода к проведению переписи населения.

Статистические данные в подавляющем большинстве зависели от того, кто проводил этот учет или перепись – государственные чиновники, учителя, городничие либо служители различных религиозных конфессий. Немалую роль играли и поставленные цели. Если это делалось для открытия национальных школ, то появлялись одни цифры, если для строительства религиозных храмов, то другие. Нельзя не учитывать весьма приблизительные данные по национальной принадлежности. Чаще всего считали: если православный, то это русский или белорус, а если католик, то – поляк. Но были белорусы-католики, поляки-православные, литвины, евреи, татары, немцы. Все это только создавало трудности и определенную путаницу в характеристике населения, его социального состава, а также экономического положения. Российские власти не учитывали историко-традиционные, экономические, политические особенности, культурные интересы местных жителей. Четко прослеживался только политический подход и экономическая выгода.

Ярким подтверждением этому служит положение местного населения после третьего раздела Речи Посполитой в составе Российской империи. Императрица Екатерина II присоединение западных белорусских земель осуществила грубо, без должного отношения к коренному населению, без учета их традиций и обычаев. Белорусский язык, который был государственным языком Великого княжества Литовского, по существу оказался под запретом. Белорусский народ не получил даже автономии. Нация, как и территория белорусов, была распределена по соседним российским губерниям. 180 550 крестьянских душ Екатерина подарила русским помещикам. Ее сын, Павел I, добавил им 28 000 белорусских крестьян. Положение крестьян еще более ухудшилось в связи со введением крепостной зависимости, которой они раньше не знали. Крестьян просто раздали русским помещикам и чиновникам различных рангов. Были введены огромного размера подать, рекрутчина – сначала пожизненная, а потом 25-летняя. Подобного не знали другие присоединенные к России земли – Литва, Грузия, Бессарабия, Эстония. Эта недалековидная политика царизма вызывала массовые протесты населения.

Назревала новые события, новые потрясения. В середине XIX в. в Соколке была создана «Лесная школа», куда в мае 1857 г. приехал

преподавать Валерий Врублевский, выпускник Петербургского института земледелия и лесничества. Сначала он был помощником директора, а с 1861 г. стал руководителем школы. Врублевский наряду с большой работой по руководству школой и преподаванием вел активную общественно-политическую жизнь. Он познакомился с инженером Брониславом Шварцем, который возглавлял Сокольский участок строящейся в то время железной дороги Варшава – Петербург. Через Шварца Врублевский установил связь с Виленским центром восстания – Комитетом «красных», который возглавлял Кастусь Калиновский. Врублевский участвовал в написании и издании листовок, прокламаций, зовущих народ на борьбу.

Будучи тесно связанным с лесниками, бывшими учениками, Врублевский использовал их в качестве агитаторов по окрестным деревням. Они разъясняли цели восстания, привлекали в его ряды крестьян, распространяли листовки. 24 апреля 1863 г. он организовал в деревне Каменке, недалеко от Гаркавичей, «партию» – местный отдел восставших. Возглавил этот отдел Онуфрий Духинский. С сентября того же года Врублевский стал возглавлять уже довольно разросшийся отдел повстанцев Сокольщины. По призыву Калиновского и Врублевского под знамена «красных» стекались тысячи крестьян, чтобы бороться за «мужицкую правду».

Врублевский, раненный в боях с царскими войсками, выехал в Париж на лечение. Характер борца-революционера привел его на баррикады Парижа. В звании генерала он возглавил третью армию «коммунаров». После падения Парижской коммуны Врублевский работал генеральным секретарем Социалистического Интернационала.

Царское правительство военными силами во главе с Муравьевым, прозванным в народе «вешателем», наводило «порядок», усмиряло восставший народ. Ни об экономическом, ни о культурном развитии этого края, за что по сути дела выступали крестьяне, правительство не заботилось: не было, дескать, денег. А вот на содержание огромной армии «стражей порядка» финансов хватало. Только в Соколке в конце XIX в. стоял российский гарнизон численностью около 2700 солдат (это не считая полицейских и жандармов), в то время как все население города не превышало 5000 человек, а на местных кожевенных заводах работало лишь 119 человек.

Жители Сокольщины словно затаились, но не смирились, помнили о восставших, их целях и судьбах. Они участвовали в первомайской демонстрации 1905 г., оказывали поддержку и помощь бастующим скорнякам Крынок (местечко в 5 км от Гаркавичей).

В этот период национальные вопросы в наших краях не стояли на повестке дня так остро, как социальные. Возможно, это было потому, что Гаркавичи и близлежащие деревни были в основном православными,

белорусскими. Попадались деревни и со смешанным населением: поляки, белорусы, татары, евреи.

Возникает вопрос, откуда в наших краях появились татары и евреи. Во время правления Яна III Собеского в его войсках появились татарские хоругви и в окрестностях Соколки развернулось татарское осадничество. Ян Собеский своим привилеем 1698 года разрешил и селиться в Соколке и Крынках евреям. Однако в д. Гаркавичи и соседних деревнях ни татары, ни евреи не жили. Почему так вышло, не знаю. Не приглянулись, по-видимому, наши места ни татарам, ни евреям.

Между войнами и восстаниями тихо и мирно текла деревенская жизнь. Летом мужики и бабы в поле. Зимой мужчины работали на току, молотили, вязали кули прямой, длинной соломы, чтобы можно было надежно накрыть хаты, заготовливали дрова. По вечерам, собравшись «на огонек», решали «мировые проблемы». Женщины – пряли, ткали, а вечерами ходили «на посиделки», молодежь – «на музыки» – танцы. Но у каждого под крышей была своя жизнь, свои заботы и нужды: как прокормить детей, вырастить да выдать замуж дочек, а сыновей наделить землей, помочь обзавестись своим хозяйством, да чтобы не обидеть никого, поделить поровну, по справедливости.

Со стороны никто бы не сказал, что в этом тихом и мирном крае могут быть сокрыты, как в спящем вулкане, лавы, противоречивые процессы: под напором внутренних сил и внешних обстоятельств они то мирно дремали, то выплескивались наружу потоками революционных настроений и выступлений, активной политической жизнью...

В в этом крае и приоткрылась деревня Гаркавичи. Когда она появилась и кем была основана, точных сведений нет. Известно лишь, что там испокон веков жили белорусы, исповедовавшие православие. Эта деревня и стала колыбелью рода Притыцких. Все, что здесь будет сказано о Гаркавичах, о событиях, там происходивших, о семье Притыцких, почерпнуто мною из исторической литературы. Но главным источником стала моя память о тех событиях и рассказы родителей, братьев, сестры и их друзей.

Деревня Гаркавичи в 120 жилых домов расположена недалеко от крупных населенных административных центров – в 45 км от Белостока, в 6 км от Крынок и в 35 км – от Гродно. Деревни и деревеньки встречаются здесь через 3–5 км. Административный центр – поветовый город Соколка – располагался в 18 км от Гаркавичей, у железной дороги Варшава – Санкт-Петербург с ответвлениями на восток – в Крынки и на запад – в Августов. Через Соколку был проложен тракт, соединявший Вильно с Варшавой.

В Гаркавичи ведут проселочные дороги, которые открывают весьма своеобразный ландшафт. Скорее всего это следы ледника, талые воды которого вымывали впадины и выносили грунт, главным образом песок, образуя возвышенности. Здесь и во многих соседних деревнях была не-

плодородная, песчаная почва. Косогоры, то тут, то там зараставшие редкими, чахлыми сосенками, были разрезаны узкими полосками бедняцких земельных наделов.

В начале деревни, по правой стороне дороги – высокая гора Стасюлиха. Летом там гуляет молодежь, зимой – раздолье для детей: санки, доски, старые тазики – все пригодно для катания на заснеженных склонах горы. В конце деревни находился курган древних захоронений – «моглицы». В середине деревни, за садами – песчаный карьер. Его круглая чашеобразная форма вполне соответствовала названию – Вертеха. Так именовалась круглая, конусообразная керамическая чаша с неровной, как песком усыпанной, внутренней поверхностью, в которой хозяйки растирали мак, семена конопли, льна для приготовления различных блюд.

Промышленного значения этот песчаный холм не имел, а вот для детишек играть в желтом мягком мелком песочке – одно удовольствие. Да и многие хозяйки активно использовали этот песок: посыпали глинобитный пол в избе да двор и улицу по праздникам. На краю карьера, ближе к дороге был громоотвод. С приближением грозы сельчане ведрами носили воду из колодцев и заливали специальные лунки, чтобы молнии не били. Но почему-то редкие грозы обходили деревню стороной. Пожары же были частыми гостями в Гаркавицах.

От деревни обычная проселочная дорога сначала шла на юг через поле. Вот она нырнула в кустарник, где были переплетены лозняк, редкая березовая поросль да какими-то ветрами занесенные бузина, сирень. А за поворотом блестит гладь озера. Весной и осенью по вечерам над ним поднимался густой белый туман и медленно, как бы нехотя, уплывал, подгоняемый легким ветерком, до самого горизонта. Происхождения озера никто не знал. Старожилы говорили, что оно было всегда. Озеро неглубокое, почти круглое, не очень большое, в центре была трясына, заросшая мелким кустарником, осокой. Там гнездились дичь да «лешие», которыми пугали неслухов-детей. Озеро служило людям исправно и многопланово. Держать лодки не было необходимости – рыба почти не водилась, а вот пиявок – тьма. Не помню, от каких болезней, но женщины их ловили, прикладывали к больным местам. Говорили, что они «большую» кровь высасывают. Летом женщины стирали в озере белье. Вода там была теплая и очень мягкая.

Использовалось оно и как водопой для скота и как луг-пастбище. Пользовалась им вся деревня. Это было общественное угодье, так называемый «сервитут». Позже, в 30-е годы XX столетия, когда началась хуторизация, ликвидация сервитутов, озеро и прилегающие к нему земли поделили между 4 или 6 хозяевами. Остальным доступ к нему был закрыт.

Достопримечательностью деревни являлся гай. В нем между ольхой, калиной, рябинками, сквозь толщу трясины, покрытой густым

изумрудным мхом и осокой, пробивались ключи. Как мы любили убежать из школы, благо дом, где мы учились, был недалеко, чтобы побродить по мокрой траве, опасной трясине, ледяным ключикам! Мы, дети, не знали, что эти ключики давали жизнь большой воде, что именно здесь исток речушки Уснарки, которая несла нашу радость и слезы в Свислочь.

Для нас же, вездесущих детишек, заброшенный карьер, неглубокое, но с такой ласковой теплой водой озеро, гора Стасюлиха у въезда в деревню, родники со студеной водой были тем чудом, без которого мы не мыслили своего существования.

По левую сторону речушки, ближе к Юровлянам, находились старые торфяники. Их рыли и перерывали. Леса у нас не было. Привозили дрова зимой за десятки километров, да и дорого они стоили. Поэтому основным топливом был торф. Но добыча торфа, даже мы, дети, понимали – это тяжелый труд. Стоя по колено в воде, мужчины специальными лопатами отрезали слой за слоем мокрый торф, вынимали на сушу, чтобы разложить пирамидками для сушки. Через две-три недели их привозили домой. Легкие «торфины» были для нас, детей, радость – легче носить.

Мама качала головой:

– Да от них никакого тепла, только дым. Вспыхнут, как солома, и все. То ли дело тяжелые брикетины.

Почему одни легкие, другие тяжелые, мы не интересовались – недосуг, скорее сложить и заняться своими детскими делами.

Что было еще примечательно в Гаркавицах, так это сады. Они раскинулись за хозяйственными постройками до загнутой дороги.

Откуда пошло название «Гаркавичи» – неизвестно. Есть мнение, что от гор, – гористая местность. Другие связывали название деревни с горькой долей людей, горьким, тяжелым потом добытого хлеба. Скорее всего и та, и другая точки зрения имеют право на существование, ибо неслучайно на перекладине креста, стоявшего у въезда в деревню, было написано: «Господи, береги нас от мора, войны и огня». История показывает, что жители этих мест, и Гаркавичей в том числе, из поколения в поколение жили под страхом кары Господней, не единожды испытали войны, пожары и эпидемии.

Ни помещиков, ни «осадников» у нас не было. В деревне было лишь несколько – 4–5 – зажиточных крестьян, которые имели больше 15 га земли, 2–3 лошадей, 3–4 коров, с десятков свиней и овец, добротный дом и большой хозяйственный двор со всеми необходимыми постройками. В гумне – сеялка, молотилка, всякий сельскохозяйственный инвентарь. У нескольких крестьян было по полной волоке (18 десятин) земли. Были и середняки, но большую часть населения составляли бедняки.

По-видимому, люди, живущие в труде, нужде, в борьбе с неурожаями неплодородной земли, исповедуют высшие человеческие ценности:

честность, взаимопомощь, взаимовыручку, высокую мораль и нравственность. У нас не было воровства, пьянства, разбоев. Не скажу, что все были глубоко верующие. В начале XX века, особенно после Первой мировой войны, среди молодежи уже витал дух атеизма. Но никогда никто не надругался над верой, священнослужителями. Храма в деревне не было, ходили в село Юровляны.

В Гаркавичах была польская начальная школа, размещалась она в арендованных хатах крестьян. Семилетка была в Юровлянах и гимназия – в местечке Крынки. Но никто из гаркавичских крестьян своих детей туда не посылал – это было далеко и дорого.

В 20–30-х годах XX века в Гаркавичах, как и в подавляющем большинстве сельских населенных пунктов, телефона, радио, кино не было и в помине. Радио в ту пору только пробивало себе дорогу. Приобрести даже самый дешевый аппарат было несбыточной мечтой. Кроме того, что попросту не было денег, так и почти невозможно было уладить вопрос с полицией, так как радиоприемник в любой деревне власти рассматривали как средство подготовки революции. Радио с наушниками было лишь у школьного учителя да «солтыса» (старосты). Тем не менее нельзя сказать, что люди были оторваны от внешнего мира. Многие были грамотными, почти в каждом доме кто-то читал по-польски и по-белорусски. Чаще читали официальную прессу, книги польских писателей.

Главным же источником информации были базары. Крестьяне ездили по четвергам на рынок в Крынки, а по понедельникам – в Соколку не только за необходимыми хозяйственными покупками, но и за новостями, газетами.

Базары являлись, как и в других городах и странах, «барометром» жизни. Здесь ощущался удивительный пульс жизни, естественно соприкасались языки и культуры, общественная и политическая жизнь. В этом плане особое значение имели базары в Соколке. Дело в том, что здесь шла оживленная торговля скотом, особенно лошадьми. Выведенная здесь особая порода лошадей – «сокольская» – пользовалась большим спросом не только на Белостотчине. Приезжали купцы из разных регионов Польши со своими новостями, взглядами, суждениями. Часто завязывались беседы, шли споры, обсуждались темы, выходящие за рамки лошадиных торгов.

Перебирая свои старые записи, фотографии, как-то неожиданно остановила свой взгляд на одном снимке. Что-то кольнуло в сердце, как будто оно, сердце, узнало, почувствовало до боли знакомую, но памятную полузабытую картину. Что так меня встревожило?.. Здесь запечатлена дорога из Гаркавичей на Юровляны. По этой дороге испокон веков крестьяне моей деревни, в том числе мои родители и мы, дети, ходили в деревню Юровляны в церковь. По ней провожали в последний путь усопших. Их отпевали в Юровлянской церкви и хоронили рядом на ста-

ром погосте. Здесь похоронены предки разных поколений Притыцких. По этой дороге 8 марта 1942 г. немецкие фашисты, по подсказке местного старосты-предателя, вывели 9 мужчин-антифашистов и в 2-х км от деревни расстреляли. Их могилы также на Юровлянском кладбище. Среди погибших трое Притыцких: Александр, мой родной брат, Иван и Леонид – двоюродные. На месте расстрела в июне 1973 г. был открыт обелиск. Теперь там шумит роща.

На другом снимке за садами, между холмами почти не видно деревни. Кругом зелень, как оазис в пустыне. А вот еще снимок, сделанный уже в 2006 г. Тамарой Притыцкой, которая вместе со своим мужем Олегом Куликовичем побывала на родине ее отца. Почти ничего уже не сохранилось от родных мест, что рассказало бы, где и как жила в межвоенные годы наша семья. Тамара сфотографировала наш колодец, где не одно поколение Притыцких и их соседи черпали воду. И это все, что осталось от нашего дома. Нет, не все. Еще три дерева (две березы и клен), посаженные моими старшими братьями, да погреб, который был не столько местом хранения овощей зимой, сколько складом подпольной литературы Компартии Западной Белоруссии, которую с риском для жизни прятали и распространяли среди местного населения.

Так о чем же шумят березы в конце бывшего нашего сада у дороги на Крынки? Кого поила радиковая вода нашего колодца, откуда и куда вьются ленточками вокруг деревни проселочные дороги? Ведь это место нашего детства, юности моих родителей, братьев и сестер, которые прошли там не только школу, но и университеты труда, мужания и борьбы? Это ведь определенный пласт нашей истории, истории моего народа...

У моего дедушки по отцовской линии, Григория Притыцкого, было четыре сына и дочь. Хозяйство состояло из шести десятин земли, 1 лошади, 2 коров, 6–8 овец да 3–4 свиней. Пока дети были малые, всего вроде хватало в доме, жили не хуже других. Но дети выросли, и встал вопрос, как поделить нажитое так, чтобы не было обид, чтобы взрослые дети могли создать свои семьи, иметь свое хозяйство, жить сносно и дальше.

На семейном совете мирно решили, что те крохи, которые достанутся при разделе каждому, не спасут положения. В таких условиях дети поодиночке не только не создадут что-то, а, наоборот, растратят все, что есть, и никогда не выбьются из нужды.

Поэтому Евдокию, дочь Григория и Пелагеи, выдали замуж. Собрали приличное приданое, отдали одну корову, и Евдокия уехала в далекую деревню в новую семью. К сожалению, ничего неизвестно, как сложилась ее судьба. Старший сын, Игнат, уехал в Россию. Как стало спустя годы известно, он после неоднократных переездов окончательно обосновался в Оренбургской губернии. Судя по письмам и фотографии,

которую он прислал родным, у него все в жизни сложилось хорошо. На снимке – представительная супружеская пара и три дочери. Позже никаких известий от него не получали.

Другой сын Григория и Пелагеи, Иван, уехал в Соколку, работал стрелочником на железной дороге. Там женился, у него родились дочь и сын. Умер в преклонном возрасте накануне Второй мировой войны. Осип, третий сын, проявлял интерес к портняжничеству. На семейном совете решено было отдать его местному портному в ученики. Младший сын, Павел, сначала работал по найму в Крынках на разных работах. Здесь он женился, и затем его семья переехала в Белосток, где он работал в слесарных мастерских, потом на железной дороге. У него было три дочери.

Свою землю Григорий Притыцкий разделил на четыре части поровну каждому сыну. Две части обрабатывал Иван – свою и Игната, и две части – свою и Павла – обрабатывал Осип на условиях аренды. Помню, как каждую осень отец нагружал воз овощами, мукой, крупой и вез дяде Павлу в Белосток.

Осип жил с отцом и матерью. Пелагея вела хозяйство, а Григорий с сыном заправляли мужскими делами.

Мой дед Григорий был среднего роста, кряжистый, крепкого телосложения мужчина. Отличался завидным здоровьем. Умер, работая в поле, на 105-м году жизни, накануне Первой мировой войны. Бабушка Пелагея продолжала жить в семье Осипа. Часто болела. Умерла в Пензенской губернии, куда семья выехала во время Первой мировой.

Через три дома от Притыцких жила семья Игната Мойжика. Сам Игнат в 1855 г. был призван на рекрутскую службу. Ему, можно сказать, «повезло».

Он прослужил в царской армии лишь 25 лет: введенный Петром I по сокращенный рекрутский срок был сокращен. Рекрутчина воспринималась белорусскими (и не только) крестьянами как похороны живьем. Человек, став рекрутом, практически навсегда уходил из семьи, даже если служил 25 лет.

Игнат Мойжик вернулся домой в 1880 г., награжденный в русско-турецкую войну Георгиевским крестом. В 1882 г. он женился, а через год родилась в этой семье дочь Наташа. Казалось, к солдату, перенесшему рекрутчину, встретившему свою любовь, пришли счастье и покой. Однако из царской армии Игнат пришел не только с Георгиевским крестом, но и с неизлечимой тогда болезнью – туберкулезом легких. Болезнь на время затихла, затаилась, но исподволь подтачивала силы и здоровье счастливого мужа и отца. Когда девочке исполнилось полтора года, Игнат умер.

Мать Наташи тяжело переживала смерть мужа – в нищете, с маленьким ребенком, в одиночестве, без родных. Спустя несколько лет умерла и она. Девочку взял к себе дальний родственник – Алексей Боровик. К счастью, Алексей и его жена относились к сироте хорошо: любили ее, воспитали трудолюбивой, скромной, доброй, отзывчивой.

Выросла Наташа красавицей с большими голубыми глазами, русыми, чуть волнистыми и густыми длинными косами. Этот милый облик дополняли высокий лоб, прямой нос и очаровательная улыбка пухлых губ. Красивее, привлекательнее девушки не было в округе. Да и в работе ей не было равных. Уже в 14–15 лет на нее заглядывались парни. Но

Мама, Наталия Игнатьевна
Притыцкая

сердце свое, свою любовь она отдала Осипу Притыцкому. Три года обхаживал Наташу красивый, старше ее на 13 лет, сравнительно не бедный Осип. Но молодая гордая сирота не верила, что такой завидный жених, ловкий и неутомимый труженик в поле, да еще и портной, у которого водилась кое-какая копейка, может ее всерьез полюбить. И только когда ей исполнилось 17 лет, Наташа дала свое согласие на замужество. В 1900 г. они сыграли свадьбу, а через год у счастливой пары родился первенец Ипполит.

Шли годы. Рождались дети. Кроме Ипполита, уже были Надежда, Александр, Сергей. И тут нагрянула беда – началась Первая мировая война...

Часть II. Горький хлеб беженцев

О начале Первой мировой войны, как ни парадоксально, гаркавчане узнали от местного кузнеца Якова Демьянова. Бывший артиллерист, как рассказывал потом отец, определил взлетел и разрыв артиллерийского снаряда между Белостоком и Соколкой. Неужели, действительно, война? Что будет? Как жить? Люди в деревне, мучимые этими вопросами, присмирели, ушли в себя. Незнание пугало их. На третий день после этого выстрела в деревню прискакала сотня казаков. Командир приказал:

– Собирайтесь, уходите. Деревню будем жечь. Ничего не оставляйте немцам.

Люди – в недоумении, в панике. Куда идти? Как бросить, пусть и небогатые, но все же какие-никакие пожитки, хаты, скот? Крестьяне стали собирать вещи, кое-что прятали, закапывали в сундуках в ямы, надеясь, что скоро вернуться, что хоть что-то уцелеет.

Слезы и сборы и в семье Притыцких. Как быть? Бабушка больна, Сережа – грудной, да и остальные – мал-мала меньше. Старшему Ипполиту всего 12 лет. Мама плачет и плачет. Как, куда ехать? Не знает никто. Все же решили ехать.

Вот и собрались. Все готово. Соорудили кибитку, посадили туда больную бабушку и двинулись на Крынки, Малую Берестовицу и дальше на восток.

А на западе уже полыхала деревня. Все население сплошной лавиной движется на восток. Беженцы идут и идут. Телеги, груженные домашним скарбом, едут по дороге в два ряда.

Мама, перепоясанная большим платком, несет маленького Сережу. Дальше идти нет сил. В полузабытых селах на пенек отдохнуть, да и задремала. А поток телег и людей движется и движется. Кажется, лишь

мгновение, как присела, а глядишь, своих не видать, идут крестьяне уже чужих деревень. Мама мечется от воза к возу – потеряла своих! Ей подсказали, что гаркавичские ушли вперед. Чуть живая догнала она свой обоз.

Как вихрь оторвал от дерева осенние листья, так война вырвала людей из родных мест и развеяла по всей России. Тогда с территории так называемой Западной Белоруссии выехало примерно 2,5 млн человек, а вернулось потом всего около 600 тысяч. Беженцы с Гродненщины и Белостотчины оказались в Сибири, Забайкалье, средней части России, в Минусинске, Красноярске, Хакасии, Томске, Пензе, Тамбове.

Думаю, уместно здесь сказать о тех белорусах, которые были вывезены в первое десятилетие XX века, во время проведения знаменитой Столыпинской реформы. Тогда, с 1902 по 1912 гг. вывезли и расселили от Тюмени до Иркутска около 3 млн человек, из которых, как свидетельствуют документы, около 1,5 млн было из западных губерний. В одном только Тулунском уезде Тюменской губернии 124 деревни из существующих 157 заселили белорусами.

Там они в тяжелейших условиях непроходимой тайги, болот оживляли, засевали новые земли, строили железные дороги, заводили добрососедские отношения с местным населением – бурятами, якутами, эвенками, которые встретили вновь прибывших поселенцев далеко не дружелюбно.

В свое время Некрасов в стихотворении «Железная дорога» писал: «Видишь, стоит, изможден лихорадкой, с виаолою грудью больной белорус». Разделили судьбу своих земляков беженцы и сельские белорусы последующих лет. Как бы перекликаюсь с Некрасовым, поэт Федор Лебеда позднее писал:

«Ой, пралягла чыгунка за Байкалам,
Паміж узгор'яў роўна, як абрус.
Цяпер на ёй амаль пад кожнай шпалай
Ляжыць замучаны ў выгнанні беларус».

А если учесть вывезенных из западных областей в 1939–1941 гг. так называемых «ненадежных элементов», «врагов народа», можно себе представить, какие это были демографические потери для Беларуси, какое влияние оказали они на историю белорусско-польского, белорусско-русского пограничья.

Как сообщает журналистка Анна Крючкова, только в Иркутской области из 300 тысяч переселенцев на сегодняшний день проживает всего 50 тысяч человек. Но главное, что они там сохранили свой язык, культуру. Активно работают Товарищество белорусской культуры, кружки художественной самодеятельности. С белорусскими танцами, песнями в национальных костюмах они гастролируют по всей России.

Война, трудные пути-дороги наложили свой отпечаток на мысли, поведение всех – и взрослых, и детей. Как-то незаметно посуровел отец. То сорвется на крик, то и шлепнет кого из детей по мягкому месту. По-особому быстро, с оттенком печали в глазах, ответственности в поведении повзрослели старшие дети. Особенно это было заметно в поведении Ипполита. Как рассказывали потом родители, с рождения спокойный, тихий, красивый мальчик, в 12 лет он стал главным помощником и опорой отцу. Недетская тревога за младших, ведь Наде – 9, Саньке – 7, а Сереже – второй годик, желание облегчить тяготы родителей, общие невеселые думы о прошлом, тревога о неизвестном будущем заставляли сердце Ипполита сжиматься болью. Он умел унять не в меру расшалившихся младших. Нередко отказывался от скудной пищи в пользу младшей, которые все время хотели есть.

Притыцкие с семьями дальних родственников после трудного пути в конце концов оказались в Пензенской губернии, Городищенском районе, в селе Нижний Шкафт. Как большинство российских сел, и это село, по нашим меркам, было очень большим – три улицы, около 500 дворов. Улица, на которой поселились Притыцкие, одним концом выходила в поле, за которым находится помещичий лес. Другой конец улицы упирался в имение князя Балашова. Ранее оно принадлежало графу Шувалову. Здесь же протекала небольшая, но с крутыми, поросшими кустарником, берегами река с красивым названием Айва. Через речку, по мосту рабочие, в основном ткачи и прядильщицы, шли на суконную и шерстечесальную фабрики Морозова. В семи километрах от Нижнего Шкафта, в селе Аришка, был довольно большой стекольный завод.

Притыцкие поселились в маленькой, с тремя окнами, хате Степана Борисова. Сам хозяин построил себе новую большую избу. Отец портняжил, а мама с Надей пошли работать на ткацкую фабрику. Ипполит и Александр учились в школе. Война уже дала о себе знать и вдали от фронта. Казалось, в довольно-таки развитом промышленном центре должно бы быть полегче с работой, с заработками. Отнюдь. Спрос на производимую продукцию упал, товарооборот слабый, производительность труда низкая. Отсюда и заработки у людей плохие. Нужда поселилась в семьях рабочих. Нужда пришла и в семьи беженцев. Отец вынужден был пойти работать сторожем в школу. Мама и Надя приносили домой копейки. В семье появилось напряжение, раздражение. Одна радость – дети.

Сережа с двоюродными братьями Иваном и Лней целыми днями на улице. Детвору манила эта широкая и пыльная улица. Они были в восторге, когда удавалось прокатиться на соседской телеге, поиграть в бабки, лапту, городки. Отец рассказывал, что мальчики очень любили овраг, тянувшийся вдоль улицы. Перебежишь улицу, а там можно играть хоть в индейцев, хоть в казаков-разбойников. Вылезут из кустов грязные, пыльные, только глазенки сверкают. Ну, чем не разбойники!

Крутые склоны оврага летом манили их неизвестностью, что скрывалась за каждым кустом. А зимой несешься на санках со склона – дух захватывает. Сережа особенно любил играть с Леней. Леня лишь на год старше Сережи, поэтому детские игры, шалости им одинаково интересны. Не то что Иван. Тот больше тянулся к Александру – Саньке.

Сережа в отличие от старших братьев Ипполита и Сани был более заводной, шаловливый, озорной. Поэтому ему чаще доставалось от отца. Отец держал детей в строгости, хотел, чтобы они выросли умными, достойными. А Сережино озорство его беспокоило, как бы он не стал поверхностным, пустым. Когда Ипполит или Санька, а чаще мама, заступались за него – попадало и им.

А вокруг было столько интересного, запретного. Господский сад – тоже запретная зона. Там жили и отдыхали господа. А какие красивые да наливные там груши и яблоки! Ну как не залезть в чужой сад... Это же мечта и поле боевых действий мальчишек всех времен и народов.

Все изменилось в 1917 году. Владелец фабрик Морозов уехал. Фабрики национализировали. Избран рабочий контроль. Крестьяне получили бесплатно землю. Им выделили ссуду на оздоровление хозяйствам. На собраниях рабочих и крестьян избрали волостную и уездную власть. Люди почувствовали себя хозяевами жизни, свободными, защищенными.

Ипполит включился в общественную жизнь, ходил на митинги, участвовал в воскресниках. Вместе с Санькой стал работать в деревенском кружке по ликвидации неграмотности и малограмотности. Активизирует работу драмкружка, куда стала ходить и Надя. Как она выкраивала время – диву даюсь. Ведь кроме работы на фабрике, она первая, незаменимая помощница мамы.

К этому времени, кроме троих сыновей, у родителей уже было четыре дочери: Надя, Оля, Люба и маленькая Леночка. А работали лишь отец – истопник и сторож в гимназии, мама и Надя – по-прежнему на фабрике. Как ни просился Ипполит на работу, родители не разрешали. Они видели его способности и хотели, чтобы он учился.

По вечерам вся семья собиралась за большим обеденным столом. Старшие обсуждали домашние дела да слушали, как дети читали вслух газеты, книги. В семье всегда были очень рады приходу друзей, соседей, земляков, таких же беженцев. Допоздна затягивались обсуждения насущных, злободневных вопросов. Особенно когда приходил Симкин, заведующий клубом, к которому тянулись и Санька, и Сережа. Любили его, дружили с ним. Симкин хорошо пел. С ним мальчишки выучили много песен. Особенно хорошо звучали в исполнении этого домашнего хора под руководством Симкина народные и революционные песни. Возможно, с тех пор так полюбил Сережа песни. И хорошо пел!

Но особые отношения сложились с Симкиным у Ипполита. Он учился уже в старших классах гимназии, посещал митинги, собрания, актив-

но общался со старшими товарищами. И в этом плане незаменимым собеседником, источником идей, опыта был Симкин. Их обоих в то горячее время, как и большинство людей, занимали политические темы, которые обсуждались везде.

В семье Притыцких такие разговоры о политике становились особенно горячими, когда в беседу встречал отец. Он никак не мог понять, как можно жить без царя. Все-таки 50 лет его жизни прошло при цареватюшке. И не потому, что он так уж любил царя. Монархистом он не был. Просто борьба с повседневной нуждой за кусок хлеба не оставляла ему времени на мысли, рассуждения о высоких материях и формах государственного устройства Российской империи. Он, простой крестьянин, не понимал, что же будет дальше. Он хотел не просто знать, он хотел понять, ощутить, а что же даст революция крестьянам, что придумают и реально будут воплощать в жизнь большевики вместо царя. Где же его и миллионов людей место в этой новой жизни?

Вот когда был открыт доступ в усадьбу Балашова, когда землю бесплатно дали крестьянам, а фабрики – рабочим, тогда другое дело. Это понятно и близко сердцу и уму крестьянина. Усадьба была рядом. В людской открыли гимназию, а в правом крыле – библиотеку, клуб и детский сад. Дворец охранялся государством.

Отцу перемены пришлись по душе. Это уже были не теории, не абстрактные рассуждения, пустые споры с Ипполитом и Симкиным, а реальность. Он активно включился в новую жизнь. Помогал новой советской власти. Вместе с другими восстанавливал мосты, ремонтировал дороги, вывозил лес, участвовал в субботниках, воскресниках, чинил одежду красноармейцам.

Семья Притыцких переехала жить в имение, в гимназию. Как работник гимназии, отец получил три комнаты. Стало свободнее, просторнее. Детям раздолье. И спят уже не по двое, а каждый на своей кровати. И по деревьям можно полазить, и рыбу половить. А какое удовольствие они получали, когда отправлялись в поход по тесным, сырým господским подвалам! Тут и поиски кладов, и страх, и непреодолимое желание встретить привидение. Здесь и укромные места, где можно было спрятаться от бандитов, беляков, леших и еще невесть кого. Ну чем не сказка?

Казалось, все хорошо. Тем не менее отец тосковал по родным местам, хотя и пытался скрыть это, особенно от жены. А мама – чуткая, внимательная, все замечала и нередко спрашивала:

– Не можешь забыть Гаркавичи? Тоскуешь? А что мы там видели хорошего?

Чтобы не волновать жену, он часто отмалчивался, а перед глазами – родные до боли места, старая верба у калитки и молодая рябинка у ворот родного двора, вишневый сад в конце огорода да пышно цветущие

яблони и груши в большом саду. А еще вьются и вьются тропинки, по которым они гуляли с Наташей, и тянутся они бесконечно и во времени и в пространстве.

– Здесь красиво, – бывало, скажет в такие минуты отец, – но наших с тобой дорожек здесь нет.

Там даже природа другая, хотя людям также жилось трудно.

– Царь правил везде. И там и тут. Было много горя. Но теперь здесь власть своя, а что там? Вот говорят, что там опять польские паны.

Ну что можно возразить? Права Наташа. Только тянет его домой, ноет сердце, мечутся мысли между прошлым и будущим.

Не единожды, после того как уложат детей спать, они часами сидели под липами; снова и снова перед глазами вставали картины прошлого, мысленно возвращались домой. И вспоминалось чаще хорошее, радостное, и, казалось, по-прежнему они приедут в Гаркавичи на Троицу, украсят хату зеленью, ветками клена и березы и пойдут на Стасюлиху плести венки да прыгать через костер. А цветы: васильки, ромашки да барвинки – соберут в поле, на лугу. На Рождество пойдут колядовать да одаривать колядников конфетами, кусочками сала, домашней вкусной колбасой. На Пасху – красить яйца, угощать ими краснощеких крестьянских детишек, ездить в родне в гости, принимать гостей у себя...

Мама вплетала в этот отцовский хоровод свои мысли: о дружной семье, здоровых детишках, о том, чтобы хватило здоровья, умения самой быть опорой, верной подругой любимому. На лавочке над тихой речушкой Айвой, где так надрывно и сладострастно квакали лягушки и пахло липовым цветом, свежескошенной травой, мечталось особенно складно. И даль и родина манили их. И им так ясно виделась их молодость, жизнь в родном краю, что в такие вечера ничто не пугало Натану своей неизвестностью, не предвещало трагедии.

А в Нижнем Шкафте жизнь идет своим ходом. Ипполит в 1920 году окончил гимназию и стал готовиться к службе в Красной Армии. Симкин с Ипполитом поставили задачу создать в помещении бывшего господского театра свой театр. Пока что начался подбор актеров, естественно, любителей. Ипполит глубоко интересовался искусством, по-видимому, это действительно была художественная натура. Он сам играл во всех спектаклях. Играл искренне, по отзывам зрителей, талантливо.

И вот в конце 1920 года театр заработал. Нужно учесть, что никто его не содержал, не было никаких финансовых вложений, спонсоров. Все держалось на энтузиазме, на самокупаемости. Молодые энтузиасты сами себе актеры и режиссеры, художники и билетеры. Хорошо, если кто-то умел рисовать, создавать декорации, имел представление о сценическом мастерстве. У наших театралов были таланты на всё.

Ипполит хорошо рисовал. Его зарисовки усадьбы Балашова, пейзажи Нижнего Шкафта говорили о его незаурядности и как художника.

Мама до самой своей смерти берегла его картинки, рисунки. Помню, как она вынимала их из сундука и, бережно расставив на столе, рассказывала мне, что там нарисовано. При этом ее глаза становились печальными. Казалось, мгновение – и ее бездонные голубые глаза-озера прольются горькой слезой. Она нежно обнимала меня и говорила: «Смотри, Ручочка, это рисовал твой старший братик Ипполитушка». В голосе была боль утраты и тоска по ушедшему. По-видимому, в эти минуты она не раз пожалела, что уехала из Нижнего Шкафта. Не потому, что оставили там счастливую жизнь, а скорее потому что, вернувшись домой, они не нашли того, зачем ехали. Все здесь было иное, чужое.

Рисунки Ипполита я помню еще накануне войны, когда приезжала из Белостока к отцу. Я любила перебирать мамин сундук, как будто прикасалась к мамочке, говорила с ней.

Исчезли они во время войны. Куда – не знаю.

В Нижнем Шкафте зима. Канун нового, 1921 года. Шел очередной спектакль. Вот уже 3 часа в нетопленном помещении сидят зрители в валенках, тулупах. На улице трескучий мороз. А молодые актеры не замечают холода, в костюмах, соответствующих спектаклю, они вдохновенно играют. Ипполит, по-видимому, играл этот спектакль, уже будучи больным. А врач один на всю округу. Только на третий день пришел фельдшер, поставил диагноз – воспаление легких. Лекарств нет. Воспаление легких перешло в быстротечную чахотку. Чтобы не пугать младших, он изо всех сил старался скрыть и физическую и душевную боль. Присмирел, перестал стонать. И вот на 20-м году жизни, в полном расцвете сил, энергии, с незаурядными умом и талантом, верой в прекрасное будущее, Ипполит, главная опора и надежда всей семьи, любимец учителей и товарищей, беспощадно угасал, в полной мере сознавая неизбежный исход. У постели умирающего постоянно находились друзья, родные.

Как рассказывал отец, в начале марта, как-то утром Ипполит позвал к себе родителей и сказал:

– Вот и все. Я через несколько минут умру.

Кашель перестал его душить, и он говорил хотя и тихо, но четко, ровно, спокойно:

– Много я причинил вам горя, но вы не обижайтесь на меня. Я этого не хотел.

Отец говорил, что после этих слов мать упала на кровать и впервые зарыдала вслух. А Ипполит положил свою руку ей на голову, ласково так погладил и сказал:

– Мамочка, не убивайтесь. Вам нужны силы. Нужно растить младших. Я вас очень-очень люблю.

До отца никак не доходило, что это прощание навсегда, а когда опомнился, с трудом вымолвил:

– Сыночек, что ты говоришь! Как же мы без тебя? С кем поедем на родину, кто нам будет помогать в такой дальней и трудной дороге? Мы только на тебя надеялись.

Очень спокойно, взвешивая каждое слово, Ипполит ответил отцу:

– Не беспокойтесь. Доберетесь как-нибудь. Ведь Санька теперь такой, каким был я, когда ехали сюда. Ему тоже, как и мне тогда, 12 лет.

Наде и Саньке, любовно посмотрев на них, сказал: «Прощайте», а Сережу, Любу и маленькую Леночку, которую кто-то поднес к нему на руках, он нежно погладил уже холодеющей рукой, глубоко вздохнул и закрыл глаза. Отец в оцепенении стоял у изножья кровати, крепко сжав зубы. Как рассказывал Сережа, он впервые в жизни увидел, как по щекам отца катились слезы и терялись где-то в его курчавой бороде.

Похоронили Ипполита рядом с бабушкой и маленькой сестренкой Олечкой, умершей годом раньше.

Засуха 1921 года – голодает не только Поволжье. Мама и Надя получали гроши. А отцу ведомство просвещения месяцами вообще ничего не платило. Туго пришлось нашей семье. Мама снаряжает Сережу за березовыми сережками, чтобы, добавив муки и картошки, испечь хлеб. Иногда директор гимназии, Мария Ивановна Мешкова, и ее мать-старушка подкармливали Сережу. Уж очень он был худенький. А он оставлял, прятал кусочек хлеба, чтобы принести маме. В шесть лет он пошел в детский сад, а в семь начал ходить в школу. Мальчик рос, энергии много, а чем ее восполнять?

– Как жить дальше? – обеспокоенно спрашивала мама. – Мы-то кое-как переберемся, а дети? Их-то жалко.

– Ничего, выдюжим, – успокаивал ее отец. – Кому-то сошью полшубок, другому перелициную пальто, третьему поправлю тулуп. Глядишь, мешок муки будет.

Отец как мог старался облегчить постоянную борьбу жены с нуждой. Мама знала, как трудно даются отцу заработки. Мягкая по натуре, добрая сердцем, она молча сносила все чаще срывающиеся с языка отца обиды на жизнь, на судьбу, на всех и вся. А он все чаще заговаривал о возвращении в Гаркавичи и рисовал такую заманчивую картину жизни на родине, что устоять было трудно...

К чисто житейским, семейным причинам необходимости возвращения домой отец приводил и политические доводы. Мол, с Германией заключили мир в Бресте, и с Польшей вот только что заключили мир в Риге, нет войны, а здесь голод. Что нас здесь держит?

Мама не хотела срывать детей со школы, пускаться в далекий путь, неизвестно куда и зачем. Да и свежие родные могилы не отпускали ее. Но все труднее было противостоять напору отца.

Теперь сложно сказать, как сложилась бы судьба нашей семьи, не будь в стране этого опустошающего голода в 1921 г. Ему предшествова-

ла засуха на Украине, в Поволжье, других регионах. Голод пришел и в Пензенскую губернию, даже коренные жители тех мест покидали свои дома, уезжая кто куда. Многие поехали в Сибирь, где было много свободных земель, необжитых мест. Взвесив все, тысячу раз передумав, пролив немало слез, мама согласилась на переезд, уступила болезненной тяге мужа в родные края. К весне все было готово к отъезду. Куплена лошадь, сэкономлено несколько фунтов сухарей, полпуда (8 кг) муки и пуд (16 кг) соли.

Прощания, проводы были тяжелыми. Как-никак семь лет жили рука об руку с соседями. Никаких ссор, неприятностей. Остаются родные могилы. Добрые соседи, друзья чем могли помогали, напутствовали, желали легкого пути.

Вначале так и было, все шло гладко. До Пензы добрались благополучно. Вместе с нашей семьей ехали домой тетя Мария с сыновьями и Алексей Боровик с семьей. Жгли костры, вели беседы, что-то вспоминали, мечтали.

Но вот заболела Леночка – младшая дочь, голубоглазая, светлорусая девочка четырех лет. Продрябный кашель, тихий детский голосок: пить, пить. Надя говорила, что без слез нельзя было слышать этот голос. Нужно молоко. А где его взять? Решили, что Сережа и Леня пойдут просить подаяние. Чего только они ни заслушались, от крестьян: обидные слова, упреки, угрозы. Если и дадут чайку-молока, то с криком, оскорблениями.

Девочке не лучше. Сережа говорил, что никогда не забудет, как Леночка лежала больная – уже не улыбалась, а глаза становились все больше и смотрели по-взрослому. Этих глаз не забыть. Леночка угасала.

А тут Санька заболел дизентерией. Чем лечить, куда ехать? Спасибо Марии, она как могла помогала маме. А вот Боровик нервничал, а однажды ночью тайком уехал, оставив их одних, и, что самое ужасное, увез с собой соль.

На вторые сутки после случившегося умерла Леночка. Мама не плакала. Сережа говорил, что она только тяжело вздыхала. А после кладбища упала и пролежала неподвижно сутки. Казалось, она уже не встанет. Но на вторые сутки мама встала. По-видимому, забота об остальных детях, муже подняла ее.

А тут пала лошадь. Как без лошади ехать дальше? Продали все, что можно было продать, купили лошаденку и так доехали до Ельца. Доехали – это громко сказано. Хилая лошадка еле тащила кое-какие пожитки и больного Саньку и Любу.

Но вот новая напасть – милицейские патрули.

– Куда едешь? Кто такие? Почему у тебя лошадь? Украл?

Отец говорил, что никогда ему не было так больно и обидно, как в этом случае. Столько пережили, больной сын, а его вором посчитали.

Отца арестовали. Трое суток прошло, а его все не отпускают. На четвертые сутки отец пришел с чекистом. Тот все посмотрел, расспросил и разрешил ехать дальше.

Не раз им по дороге встречались бандиты, но, к счастью, их не трогали. Посмотрят, спросят что-нибудь. Отец говорил: «Бандиты видели, что у нас взять нечего, того гляди, и сами пойдем на большую дорогу». Есть нечего, а Санька все болеет. В Орле стало ясно, что если ничего не предпринять, то мальчик умрет.

Решили продать лошадь и дальше ехать поездом. Лошадь продали за несколько миллионов. По баснословным ценам купили в чайной чай и колбасы: пусть дети поедят. Нервы у родителей на пределе. Как ехать дальше? На билет денег не хватало, да и билетов нет. Родители спорятся. Дети притихли.

На станции стоял воинский эшелон. Стали проситься ехать с солдатами. Те были и не против, да командир запретил. Санька позже не раз говорил: «Спасибо российскому солдату. Сам бедолага, а людей понимал». Солдаты, по словам Саньки, на носилках внесли его в вагон и спрятали, а семью посадили в другой вагон. Дая доехали до Минска. Солдаты балагурили, варили в котелках нехитрую солдатскую пищу и подкармливали Саньку, как могли, по-своему лечили его. В соседнем вагоне солдаты делились своей скудной пищей с остальными членами семьи.

А Минск встретил их совсем неласково. Как будто это не его люди, а чужаки ворвались. Жизнь в городе тоже сложная, голодная, никакой стабильности. У Притыцких есть нечего, запасов никаких и денег нет.

Осень. Дети бегали в поле, собирали оставшуюся картошку, затерявшуюся морковь или капусту. И так не один они. В Минске сотни беженцев, возвращающихся в родные края.

Вспоминая это время, Анастасия Семеновна, которая позже стала женой моего отца, говорила: «Ехали да Мінска – кідали лупінска (лупины, очистки), а ехали з Мінска – збіралі лупінска». А главное – требуют пропуск. Какой? Куда, домой? Кто должен дать? Зачем? Все в недоумении. Оказывается, как объяснили беженцам, Рижский договор, подписанный 18 марта 1921 г., не только положил конец войне, но за белорусов и без белорусов решил судьбу целого края и его народа. Территория Белостотчины также попала в границы польского государства. А решением уже польского правительства эти земли были разделены на четыре воеводства: Полесское, Новогрудское, Виленское, Белостокское. Гаркавичи вошли в состав Белостокского воеводства.

Согласно переписи населения 1921 г., на этой территории проживало тогда 3 372 134 человека, что составляло 12,5% населения Польши. 70,5% было белорусов, 11,4% – евреев и 10% – поляков.

По социальному составу была следующая картина. Подавляющая масса населения – крестьяне, в основном белорусы. Промышленный

пролетариат – в большинстве поляки и евреи. Причем польские рабочие, как правило, были заняты на крупных предприятиях, транспорте и в коммунальном хозяйстве. В сельском хозяйстве среди батраков у помещиков преобладали поляки. Белорусские рабочие были заняты в основном в деревообрабатывающей промышленности, на стекольных, кирпичных, винокуренных заводах, мельницах, а также в качестве сезонных рабочих у помещиков и осадников. Промышленная и торговая буржуазия – поляки и евреи. Помещики (85%) – тоже поляки.

Городская мелкая буржуазия – кустари, ремесленники, торговцы, живущие в основном в городах и местечках, – была еврейской, хотя немалый процент был и поляков. В некоторых местечках еврейское население было преобладающим, как, например, в Крынках.

Западная Белоруссия являлась по сути отсталой, аграрной окраиной Польши. Представляя 29% территории и 12,5% населения, она насчитывала лишь 3,5% общего количества рабочих. Польское правительство рассматривало эти земли как сырьевой придаток коренной Польши, как площадку для военных действий против Советской России для захвата всей Беларуси.

Ю. Пилсудский постоянно поддерживал боевую готовность Польши в восточном направлении. Всеми средствами оказывалась помощь подпольным организациям на территории Беларуси. Особое внимание уделялось Б.В. Савинкову, который сотрудничал со вторым отделом польского Генерального штаба. На территории Польши формировались вооруженные отряды для проведения диверсионной и разведывательной работы на территории Беларуси.

В Конституции Польского государства, принятой в 1921 г., в отношении нацменьшинств было четко записано, что им предоставляется право свободного развития своей культуры, языка. Однако на деле, в жизни эти обязательства польские власти не выполняли. Уже в 1923–1926 гг. известный государственный деятель Польши Станислав Грабский, выражая суть политики Второй Речи Посполитой, открыто провозглашал и претворял в жизнь основную цель – создание мононациональной Польши, государства для поляков, иначе, как он говорил, не сохранить целостности своих границ. «Польша, – писал он, – может сохраниться как государство народа польского. Если бы она стала государством населяющих ее поляков, евреев, немцев, белорусов, литовцев, украинцев, то опять должна была бы потерять свою независимость». Поэтому польские власти взяли курс на колонизацию, окатоличивание, ликвидацию национальных культур, традиций, обычаев, языков национальных меньшинств и привитие им чувства любви ко всему польскому, т.е. воспитание чувства всеобщей «польскости».

Очень точно цели государства в этом плане выразил польский политик Ендриховский: «Наша точка зрения теснейшим образом связана с

интересами государства и народа польского. Мы хотим решать и обсуждать дела национальных меньшинств с точки зрения польской пользы, не руководствуясь никакими иными мотивами, даже если они в той или иной степени затрагивают такие понятия, как «справедливость и равноправие», которые еще недавно были для нас самих основной мотивацией и программой независимости. Отбросим все эти очень красивые по своему значению положения, но не потому, что мы их претворили в жизнь, а потому, что жизнь государства и польской нации является для нас главной и первостепенной».

Поэтому права национальных меньшинств были ущемлены в пользу поляков и в избирательной системе, и в государственных, и даже в муниципальных органах власти. Школы, гимназии, бывшие до 1921 г. белорусскими, закрывались. Белорусский язык сведен до уровня бытового общения. Некогда, во времена Великого княжества Литовского, язык государственного и международного общения теперь назывался мужицким, хамским. Об особенностях белорусской нации перестали упоминать.

Нельзя сказать, что в правительственных кругах Польши не понимали значения национального вопроса. Понимали. Особенно это осознавали оппозиционные силы в правительстве, парламенте, демократически настроенные отдельные политики и государственные деятели. Поэтому они предлагали правительству разные варианты, пути решения национального вопроса. Периодически, в зависимости от накала национально-освободительных настроений внутри страны или определенной ситуации на международной арене, эти предложения даже обсуждались, выносились какие-то решения. Но в жизнь они не претворялись.

Около 60% населения Польши были крестьянами, поэтому одной из первостепенных задач стало проведение земельной реформы. Но и здесь правительство учитывало интересы в первую очередь поляков, и делалось это главным образом за счет национальных меньшинств. Власти, отнимая земли у белорусов, украинцев, литовцев, наделяли ими поляков, прибывавших в национальные окраины из Центральной Польши. Необходимо было увеличить процент польского населения в восточных районах, так называемых «Кресах Восточных». За верную службу, в первую очередь в польско-советской войне 1920 г., правительство именно на «Кресах Восточных» выделяло землю польским солдатам, образуя слой так называемых «осадников».

Осадники обеспечивали и порядок, послушание населения. Кроме того, увеличивался процент польского населения в национальных окраинах. С 1921 по 1930 гг. в Западной Белоруссии поселилось около 5 тыс. военных осадников. Они получали участки лучшей земли в 15 – 45 гектаров и чаще всего селились на хуторах.

Кроме военных осадников, широко практиковалось переселение гражданских лиц польского происхождения для использования их в ка-

честве чиновников, учителей. О белорусах говорили как о людях второго сорта. Делалось все возможное, чтобы «заставить белорусов думать польски», как заявлял белостокский воевода Станишевский.

Белорусский народ не покорился. Своей борьбой, сохранением языка, традиций, культуры белорусы опровергли заявления об аполитичности и низком уровне национального самосознания. На протяжении всего межвоенного периода, вплоть до освобождения Западной Белоруссии, там шла национально-освободительная, революционная борьба в разных формах, с большей или меньшей степенью накала и активности.

Государственной религией в Польше являлся католицизм, хотя в конституции оговаривалось равноправие всех вероисповеданий. У польских властей был один подход к определению: раз ты поляк – значит, католик, и раз ты белорус-католик – значит, тоже поляк. Поощрялись браки поляков с белорусами, но при этом венчание должно было происходить в костеле, т.е. новобрачным необходимо принять католическую веру. Дети, естественно, будут поляки – католики.

В массовом порядке закрывались православные храмы, отчуждались принадлежащая им земля, имущество. Православные церкви перестраивались в католические храмы. На белорусских землях стала активно работать униатская церковь. Однако все эти программы провалились. Население «Кресов Восточных» в большинстве своем не принимало католицизм и униатство.

Негативная оценка белорусского народа на территории Западной Белоруссии, отрицание его национальной жизни, общественно-политической деятельности не имеет под собой никаких оснований. Белорусский язык жил и имел глубокие корни. Шла постоянная борьба за сохранение белорусских школ и гимназий. Ведь даже в период немецкой оккупации в годы Первой мировой войны, согласно разным источникам, действовало от 380 до 500 белорусских школ, т.е. школ на белорусском языке обучения. Это давало возможность различным общественным организациям вести пропаганду на белорусском языке, общаться с населением и через прессу на его родном языке.

Не нужно забывать, что еще до Октябрьской революции 1917 г., в 1915 – 1917 гг. активно работали белорусские общественные организации, такие как Белорусская социалистическая Громада, Союз белорусских демократов, Белорусское общество помощи жертвам войны, Белорусский национальный комитет, Белорусский клуб, Союз белорусских национальных общественных организаций, Национальная демократическая партия, которые пытались сохранить «белорусскость».

Весной 1919 г. войска Ю. Пилсудского вступили на Белостотчину. Белорусы тогда обратились за помощью к руководству Белорусской Народной Республики (БНР) в Гродно. Присутствие на белорусских зем-

лях польской армии, политика ее гражданских управлений восточными землями дали основание премьеру БНР В. Ластовскому расценить действия польских властей как оккупацию. Известна его статья «Акупацыя польска на Беларусі», опубликованная в Вильне в 1920 г.

В феврале 1919 г. Ю. Пилсудский начал военные действия в Беларуси, поставив задачу воссоздать Польшу в границах 1772 года – «от моря до моря», установить контроль над Беларусью, Украиной, Литвой. Такие планы решения польского вопроса Ю. Пилсудский вынашивал еще в период Первой мировой войны. 19 апреля 1919 года польские войска заняли Вильню и Виленский край, в августе 1919 года взяли Минск. В обращении «К жителям бывшего Великого княжества Литовского» Ю. Пилсудский гарантировал решение национальных и религиозных вопросов местного населения, предлагал Литве вернуться к унии времен Речи Посполитой. Однако об истинных планах Ю. Пилсудского говорят следующие факты.

Для руководства захваченной территорией оккупантами был создан Департамент по делам польских восточных земель. Уже тогда отношение поляков к белорусскому народу было оневидным. Белорусы в органы управления не допускались. Были ликвидированы органы местного самоуправления, запрещены профсоюзы и другие рабочие организации, объявлены незаконными все аграрные преобразования. Восстанавливалось помещичье землевладение, проводились реквизиции, аресты и репрессии. В культурной жизни проводилась колонизация. Закрывались белорусские учебные заведения, государственным и единственно употребляемым был объявлен польский язык. С государственных учреждений, фабрик и заводов увольнялись лица белорусской национальности, люди православного вероисповедания. Политика насилия и террора заставила многих белорусских политиков перейти в оппозицию польскому режиму.

Для польских войск тогда были характерны даже этнические чистки. Например, в марте 1919 года после занятия польской армией Пинска польский комендант приказал расстрелять 40 евреев, собравшихся на молитву. Была расстреляна часть персонала госпиталя. В апреле того же года захват поляками Вильни сопровождался массовыми расправами над пленными красноармейцами и людьми, сочувствующими советской власти.

Наступление польских войск на Украине весной 1920 года сопровождалось также массовыми расстрелами. Например, под Ровно за сопротивление при реквизициях продовольствия было полностью сожжено несколько деревень, а жители расстреляны. Даже в документах польского Гражданского управления Восточных земель имеется свидетельство, что польские военные убивали людей только потому, что те «выглядели, как большевики». Взятые в плен красноармейцами польские

офицеры расстреливались на месте, как и взятые в плен поляками большевистские комиссары.

До сих пор нет точных данных о судьбе советских военнопленных. Согласно российским источникам, около 80 тысяч красноармейцев из 200 тысяч, попавших в польский плен, погибли от голода, болезней, пыток, издевательств и казней.

Польские источники называют цифры в 85 тыс. пленных (по крайней мере столько людей находилось в польских лагерях к моменту окончания войны), из них умерло около 20 тыс. человек. Их содержали в лагерях, оставшихся после Первой мировой войны, – Стшалкове (самый крупный), Домбье, Пикулице, Вадовице и Тухольском концентрационном лагере. По соглашению 1921 года об обмене пленными 65 тысяч пленных бойцов РККА вернулись в Россию. Если сведения о 200 тыс. взятых в плен и гибели 80 тыс. из них верны, то неясна судьба еще примерно 60 тыс. человек.

Смертность в польских лагерях доходила до 20% от числа узников. В основном причиной смерти были эпидемии, которые в условиях скудного питания, скученности и отсутствия медицинской помощи быстро распространялись и имели большую летальность. В лагере военнопленных в Стшалкове, помимо всего прочего, отмечались многочисленные издевательства над пленными, за которые комендант лагеря поручик Малиновский был позже отдан под суд.

Сам Владислав Сикорский – тогда полковник Генерального штаба Войска Польского – в письме Ю. Пилсудскому писал о том, что польская власть на белорусских землях вводится средневековыми методами, о вооруженных выступлениях местного населения против польских войск.

П. Кричевский, В. Ласовский, В. Разумовский (руководство БНР), находясь в Ковно, занялись формированием белорусских партизанских отрядов и отправкой их на Гродненщину и Белостотчину. Стала выходить газета «Беларускі партызан».

Провалилась и акция Ю. Пилсудского с так называемыми подписными листами. Тогда среди местного населения активно распространялись листовки с заготовленным текстом – просьбой о включении той или иной деревни в состав польского государства. Сейчас эти листовки с подписями хранятся в Варшаве в архиве Актов Новых. Их совсем немного.

Безусловно, Западная Белоруссия была аграрной территорией с малоплодородной землей. Однако нельзя согласиться с польской оценкой забытых, необразованных белорусов. Многие выходцы из Западной Белоруссии, в частности, с Белостотчины, Сокольщины, вписали свои имена в историю общественно-политической деятельности, культуры, искусства не только своего края. Далеко за пределами Беларуси сохранилась память об общественно-политических деятелях Б. Тарашкевиче, П. Волошине, С. Рак-Михайловском, Т. Мятле, братьях Антоне и Иване

Луцкевичих, В. Ластовском, братьях Горецких. Имена Максима Танка, П. Пестрака, В. Тавлая, З. Верас, Л. Гениуш, М. Василька, В. Машары, Я. Брыля и многих других не требуют специального представления.

Нельзя ничего не сказать о «белорусском Шаляпине» – Петре Коныхе. Уроженец Западной Белоруссии, Новогрудчины, этот человек необычайной судьбы и удивительных музыкальных, вокальных способностей, музыкант-самоучка, свободно играл на кларнете, гитаре, мандолине, пел в самодеятельных кружках. Родился он в бедной семье, денег на музыкальное образование не было. Окончил курсы в Барановичах и работал экспертом по закупке льна. С началом Второй мировой войны был призван в польскую армию. Принимал участие в боях в Италии, был ранен, награжден «Памятным Крестом». После ранения, уже в госпитале, для того чтобы подбодрить бойцов, пел белорусские песни. Случайно его услышал профессиональный музыкант из Италии и пригласил учиться в Римскую академию искусств. Деньги на дорогу и учебу в академии собрали однополчане и руководство воинских формирований.

В 35 лет Коных изучил итальянский язык, и хотя этот возраст несколько великоват для начала музыкальной карьеры, он все-таки стал учиться в академии и получил два диплома – певца и музыкального критика, а также почетное звание «Мастер Академии». Участвовал в различных конкурсах, дебютировал в операх «Фауст», «Борис Годунов», «Дон Карлос» и др. Давал концерты не только в Италии, но и в США – в одном из концертных залов Карнеги-холла.

Затем в США П. Коных связал свою судьбу с Хором донских казаков, пел, был солистом. Побывал на гастролях в Канаде, Австрии, Англии, Германии, Франции, Японии, всего в пятидесяти странах. Только на родину не мог прорваться. Прославленный на весь мир, П. Коных в СССР был невъездной, т. к. работал в хоре эмигрантов. За границей его слушали И. Свешников, Л. Зыкина, которые вместе с Максимом Танком, Р. Ширмой, И. Новиковым хлопотали в Министерстве культуры СССР о приглашении П. Коныха на гастроли, но...

Двадцать семь лет Петр Коных солировал в Хоре донских казаков, затем обосновался в Канаде и пел в церковном хоре. Весь мир рукоплескал ему, только ни в Беларуси, ни в СССР никто не слышал живой голос «белорусского Шаляпина», его не приглашали, о нем ничего не говорили. А ведь он всю жизнь включал в репертуар концертов белорусскую, русскую музыку, песни.

Не лучшим образом сложилась карьера и музыканта Александра Божко. Исключительно одаренный, с абсолютным слухом Алесь Божко окончил музыкальный институт имени Моношкo. Кое-как собрала семья крестьянина-бедняка деньги на учебу в Варшавской консерватории. Денег катастрофически не хватало. Талантливого белорусского юношу поддерживали материально и опекали вице-ректор – известный

польский композитор и теоретик музыки белорус по происхождению Станислав Козура и его друг, белорусский оперный певец Забейда-Сумицкий. Помогали ему преподаватели музыки – скрипачи Кляйн и Кохански.

Несмотря на успехи в учебе, жизнь внесла свои коррективы. Вторая мировая война, окопы, ранения, работа на оборонных заводах. Руки огрубели, нужно было зарабатывать на жизнь. Тут не до скрипки. Зачтно окончил Литературный институт, стал работать в газетах, писать. Верно сказано, что если человек талантлив, то талантлив во всем. А. Божко и проявил себя как талантливый журналист, писатель, поэт.

В консерватории учился еще один юноша из-под Кореличей – Леонид Дедышко. С Соколычины вышел и талантливый музыкант, дирижер, создатель и руководитель целого ряда как светских, так и церковных хоров в разных странах – Кастусь Кислый. После Второй мировой войны он руководил в Бельгии студенческим ансамблем белорусской песни и пляски. Причем эта работа велась им на общественных началах, а на жизнь он зарабатывал в угольных шахтах. С ансамблем он побывал в Лондоне, Кельне, Брюсселе, Париже.

Не могу не сказать о выходе с Соколычины, выпускнике 1848 г. физико-математического факультета Петербургского университета Александре Гершуне и его сыне Андрее. В российской науке они известны как физики в разделах оптики, фотографии и электротехники. Много работали в приборостроении над производством военного оборудования. Под руководством А. Гершуна в Петербурге еще в 1914 г. был построен оптико-механический завод, он лично контролировал работу мастерских при Обуховском заводе по ремонту военного оборудования. Умер А. Гершун в 1915 г., а его сын Андрей продолжил дело отца. Стал доктором наук, профессором, дважды лауреатом Сталинской премии, награжден многими советскими орденами; основатель научной школы в области гидрооптики.

Активное участие в деле сохранения белорусской культуры и национальной независимости принимали братья Гринкевичи. Станислав Гринкевич (младший), врач, общественный деятель, вел большую работу в жизни белорусской эмиграции в США. Станислав Гринкевич (старший), тоже врач, работал в Вильне в поликлинике. Издавал статьи по медицине, ездил по деревням, читал лекции по санитарии, медицине. Писал драматургические произведения. В литературных кругах его знают как переводчика с английского, словацкого, польского и русского языков.

Небезызвестен в среде культурных, общественных деятелей Западной Белоруссии Константин Сидорович. Это один из активных организаторов и руководителей кружков Товарищества белорусской школы, участник театрального кооператива «Полымя». Только в Белостоке и его

окрестностях кружок ТБШ, руководимый К. Сидоровичем, за семь лет, с 1927 по 1935 гг. (в 1935 г. закрыт), поставил 167 любительских спектаклей и белорусских сценических зарисовок, в которых участвовал даже хор.

О том, как серьезно относились в те годы в Западной Белоруссии к художественной самодеятельности, к работе кружков ТБШ, говорит такой факт. Для подготовки спектаклей кооперативом «Полымя», оформления декораций приглашали известного художника Ивана Дроздовича. Позже он переехал в Советскую Белоруссию, успешно работал, организовывал выставки своих работ.

На Белостотчине родился и Иосиф Лангбард. Окончил Петербургскую Академию искусств, заслуженный деятель искусства Беларуси, доктор архитектуры, профессор. Известен как автор монументальных зданий в Минске, например, белорусского Большого театра оперы и балета, Дома правительства, Дома офицеров в Минске, Дома Советов в Могилеве и целого ряда памятников (Тарасу Шевченко в Харькове, Василию Чапаеву в Куйбышеве, Зое Космодемьянской в Тамбове).

Театральная общественность знакома с работами Арсения Лобовича, который всю свою жизнь посвятил исследованию театральной жизни Беларуси, в том числе «Театру борьбы» («Театр змагання») в Западной Белоруссии, откуда он родом.

Можно без конца называть имена людей, которые оставили глубокий след в той или иной области общественно-политической и культурной жизни Западной Белоруссии. К сожалению, долгие годы о них ничего не говорилось, их деятельность почти не исследовалась. Обидно, что мы долгие-долгие годы воспринимали наших земляков, оставшихся за границей волей судьбы, как чужих, не нужных нам, а то и как врагов...

Многие способные, талантливые западные белорусы в связи с политической польских властей по ограничению образования национальных меньшинств были вынуждены искать возможность обучения за границей. Различными путями, легальными и нелегальными, через третьи страны, с помощью политических партий Западной Белоруссии, БНР молодежь отправлялась искать знания, получать образование в Чехословакию, Италию, Францию, Германию. Большинство из них были вынуждены эмигрировать с родной земли в поисках заработка, по политическим мотивам, просто волею судьбы...

Но с этим моя семья столкнется позже, а пока они – беженцы, возвращающиеся домой. Пока осень 1921 г. Наконец получили пропуска. И снова дорога. На этот раз специальный поезд с беженцами в Польшу. По указанию польских властей поезд сопровождала походная кухня, было организовано бесплатное питание. Теплый прием, митинги, обеспечения сытой и свободной жизни.

Однако рано радовались беженцы. На подъезде к границе их ожидали обыски, проверка документов и багажа: а вдруг эти беженцы в своих

опустевших за дорогу котомках везут подрывную антипольскую литературу, а то и оружие?

Отец рассказывал, что у них нашли книги, которые Ипполит просил завезти домой, – пригодятся братьям. Всю дорогу мама берегла их пуще всего. Почти все конфисковали. А на самой границе польские чиновники вели себя вообще непристойно, оскорбительно, бесцеремонно вглядываясь в каждое лицо, с вызовом спрашивали: «Послужили большевикам? Вдоволь надышались воздухом Советов? Наелись большевистского хлеба? Как граждане Польши, вы должны верно служить и заботиться о ее благополучии. Чем быстрее вы выбросите из головы большевистскую пропаганду, забудете Россию, Минск, тем лучше будет вам».

Уже нет улыбок, радостных встреч. Изменился тон обращения, изменились слова и взгляды. «Вот так нас встречает Родина, куда мы стремились через тысячи километров, через лишения, невзгоды», – недоумевали люди. А что дальше?

Только в конце ноября приехали Притыцкие в Соколку. Здесь живет брат отца, Иван. Теплая встреча двух братьев. Радужный прием. Наконец можно отдохнуть. Но уже на завтра жена Ивана, тетка Доминика, дала понять, что они здесь лишние. Нужно уезжать. А в Гаркавичах ожидали новые испытания. Хата сгорела. Даже камни из фундамента вывернуты. Кто приехал раньше, а может быть, кто оставался, что могли тянули в свое хозяйство. Пожалуй, и винить их не за что. Ведь им тоже нужно было жить.

Дети смотрят во все глаза. «А где же все то, что так красочно описывал отец?» Сад, представлявшийся похожим на сад Балашова, оказался всего лишь несколькими фруктовыми деревьями, посаженными в ряд. Отец стоял ошеломленный.

Люба и Сережа рассказывали, что мама села на холодные камни и залилась слезами. За что? Почему? Во имя чего такие муки и жертвы? Отец хмурился, смотрел отчужденно. Глаза и щеки секла снежная крупа. А может быть, под ней стекали слезы. Вот тебе Родина – приютила, обогрела...

Временно они поселились у соседа. Сельчане чем могли помогали, хотя и сами они недавно возвратились и только обустроивались. А эпидемии, болезни не отступали. С холодами пришел тиф. Полдеревни заболело тифом. Болеют и у Притыцких. Хуже всех состояние мамы. Истощенный организм слабо борется с болезнью. Она редко приходит в сознание. На ногах только отец и Сережа. Целыми ночами отец просиживал у постелей больных. Чтобы поднять на ноги детей и в первую очередь маму, без которой не справиться с бедой, отец взял займы у кулака денег и купил корову. Из ложечки, понемножку поил он своих больных молоком вперемешку со слезами. С удивительным упорством он верил и заставлял верить остальных, что все обойдется, кончатся

беды. «Скоро все изменится, – говорил он, – мы заживем хорошо. Снова в доме будет смех, песни. Вы только верьте и чуть-чуть помогите мне. Мы все выдюжим».

И, правда, будто вселил он в них свои силы, и больные потихоньку стали поправляться. Все легче становится отцу – повеселел взгляд. Можно немножко передохнуть. Вот поправился Санька. Он теперь первый помощник отца. Уже на подхвате и 8-летний Сережа. Родственники, соседи как могли помогали. Все вместе соорудили сарай в глубине двора. В сарае вырезали окна, накрыли соломенной крышей, поставили большую печь с плитой – вполне пригодно для жилья – и перебрались в не ахти какую, но свою хату.

Потихоньку поправлялись остальные. Встала на ноги и мама. И в доме у Притыцких стало тепло и уютно. Уже слышен детский смех. Кипит жизнь.

Польские власти практически ничего не делали, чтобы облегчить участь вернувшихся крестьян, для восстановления восточных регионов после окончания Первой мировой войны. А ведь здесь шли основные военные действия. Гаркавичи, как и большинство деревень, почти полностью сожженные во время войны, восстанавливались медленно и тяжело. Особенно трудно было малоземельным и многодетным семьям. Они еле-еле сводили концы с концами. Полторы десятины земли, которые были собственностью вашей семьи, не могли прокормить ее. А ведь в хозяйстве не было не только лошади, но и простейшего сельскохозяйственного инвентаря.

Отец и Санька, нанямая лошадь, плуг, борону, повозку, беря в долг семена, стали обрабатывать свои полоски и брата Павла. Рано мальчишки научились пахать и сеять. Уже умели не только пилить дрова, но и разделять бревна на доски, складывать сруб, красиво и чисто косить траву. Работали серпом и косой. Саньке, кроме своей домашней работы, приходилось работать по найму. В 14–15-летнем возрасте он уже ездил вместе с мужиками за 15–20 километров в лес, кому помочь напилить, кому вывезти дрова, кому на току снопы обмолотить. Работа была, рабочие руки нужны были. Во всех деревнях люди строились.

Поднималась, росла молодая поросль Притыцких. И мама повеселела. Потихоньку, как бы исподволь, возвращались к ней ее красота, сила, энергия. Отец не мог налюбоваться на свою жену-красавицу, нарадоваться на своих детей. Все домашние это чувствовали, хотя верный своему характеру, привычке отец пытался скрыть свои чувства за внешней строгостью, иногда даже суровостью.

А пока мама, сделав свою домашнюю работу, выходила к калитке под старую вербу и любовалась своими детками, которые под строгим присмотром отца утепляли к зиме хату, строили сарай. Как муравьи, копошились дети вокруг новых фруктовых посадок. Мальчишки вошли в азарт: после плодовых деревьев надумали посадить деревья в конце

сада, где со временем построят гумно. Это ли не радость для матери? «Вон какие у нас ловкие, трудолюбивые дети. Ничего, все утрясется, уляжется. Вот уже и корове Красуле построен отсек. Даст Бог – купим и лошадь. А вчера сосед принес поросенка. Все будет хорошо», – думает мама свою думу, успокаивает себя, не дает сомнениям поселиться в душе.

Но, как ни изворачивались родители, все труднее становилось сводить концы с концами. К весне стало ясно, что нужно думать, как найти заработок.

Знакомый портной в Крынках взял в помощники Саньку. Надя и мама пошли на поденную работу к зажиточным крестьянам. Отец шил день и ночь. Зимой, когда не было работы в своей деревне, отец с Надей уходили на заработки в другие деревни. Не один раз они оставались у зажиточных заказчиков на неделю и больше. Хозяину шили бесплатно за постой и право шить другим сельчанам.

Люба вспоминала: «Отец с Надей шили в деревне Лапеневцы. В деревне было много зажиточных хозяйств – бывшая шляхта. Один хозяин расплатился с отцом за работу маленьким ягненок. Сколько было радости дома, что у них будет своя овца, которая даст детям шерсть на носки и варежки». Люба, которой было пять лет, пока еще занята своими кукольными делами. Девятилетний Сережа стал на два года постоянным пастухом у местного кулака. Ведь нужно было вернуть проценты за взятые у него в долг деньги на покупку коровы.

Часть III. Первые шаги на революционном пути

Так в заботе о хлебе насущном течет жизнь в Гаркавичах. Родители всецело заняты обустройством. Дети им помогают. Отцу недосуг интересоваться, что происходит в мире, в стране: семья, домашние заботы поглощают все его силы и время.

А тем временем в Польше, на захваченных белорусских, украинских и части литовских земель разрасталось партизанское движение, направленное против польской власти. Уже к концу 1921 г. только на территории Западной Белоруссии было около ста партизанских отрядов, в которых насчитывалось несколько тысяч человек. Во главе таких военных групп, отрядов становились коммунисты, рабоче-крестьянский актив. Партизанское движение ставило своей главной целью изъятие у помещиков земли, осуществление коренных социальных преобразований и впоследствии освобождение Западной Белоруссии от поляков и воссоединение ее с БССР. Это находило понимание и поддержку трудящихся и городов, и деревень. Партизаны снаряжа-

лись оружием, сохранившимся со времен Первой мировой и Гражданской войн, добытым у полицаев. Свое оружие нередко приносили в отряды и солдаты-белорусы, в большом количестве дезертировавшие из польской армии.

Большой размах приобрело партизанское движение в начале 1922 г. Даже по официальным данным Генерального штаба Войска Польского, в 1923 г. численность партизан, действовавших на территории Виленщины, на Полесье, в Налибокской, Беловежской и Гродненской пущах составляла около пяти-шести тысяч человек. Оно возникло как проявление преимущественно стихийной борьбы наиболее активной части крестьян против власти помещиков и капиталистов, против белопольской оккупации. Не нужно забывать, что это только начало 20-х годов, когда идеи революции, коммунистического движения были очень популярны во всей Европе.

Самое активное участие в революционной борьбе принимала молодежь. Наиболее революционно настроенные молодые люди объединялись в подпольные группы, уходили в леса и там создавали вооруженные отряды, нападали на помещичьи и имения-полицейские участки.

В Беловежской пуще обосновался главный штаб партизан-повстанцев во главе с атаманом Германом Шиманским (Скоморох). Артист по профессии, Шиманский вместе со своей женой не только встали в ряды партизан, но и возглавили его штаб. В числе известных руководителей антипольского партизанского движения были С.А. Ваупшасов, К.П. Орловский, В.З. Борж, А.М. Рыбцевич, Ю.И. Балашков, Ф.И. Яблонский, К. Н. Такушевич, С. Радкевич и другие.

Позже, работая над написанием кандидатской и докторской диссертаций по Западной Белоруссии, я видела в архивах, читала в публикациях массу интереснейшего материала о партизанском движении в те годы. Я тогда считала и теперь убеждена, что этот пласт нашей истории ждет своих исследователей и объективного, не конъюнктурного, а правдивого освещения.

А тогда, как вспоминал видный деятель коммунистического движения Польши и Западной Белоруссии Н. Орехво в своей работе «Дела и люди КПЗБ», буквально все польские газеты пестрели заголовками и текстами: «Кресы в огне», «На Кресах неспокойно», «В Белостоке забастовали текстильщики...», «Восстание на Виленщине...», «Партизанское восстание на Виленщине разливается широкой волной...», «Партизанский отряд в сто человек напал на пограничный город Столбцы, они атаковали здание полиции, заняли почту и железнодорожную станцию, казначейство и тюрьму...», «Вооруженный отряд повстанцев напал на местечко Городок Молодечненского уезда и занял все правительственные учреждения. Вооруженная охрана местечка, полиция и воинская команда, не оказав сопротивления, в панике разбежалась...», «Парти-

занский отряд напал на имение графа Замойского в Лунинецком повете, разгромил полицейский участок» и т. д.

Нередки были случаи, когда партизаны предлагали помещикам мирно разрешить конфликты. Так, в имении Щаковщина Вилейского повета проходило собрание местных помещиков. Туда пришли партизаны и предупредили собравшихся, что если они будут жестоко обращаться с батраками и крестьянами, то их ожидает участь хозяина имения Вишневка, которого свои же крестьяне покарали смертью. И это не единственный случай. О партизанах Мухе-Михальском (Муха) по всей Польше ходили легенды, как он переодевался то купцом, то ксендзом, а то и полицейским, встречался с помещиками, осадниками, предлагал им выделить из своего хозяйства скот, инвентарь в пользу вдов, сирот, бедняков. Немало было случаев, когда после посещения имения эдаким белорусским Робинотом Гудом помещики отдавали крестьянам то лошадь, то корову, а то и деньги.

Партизаны написали письмо Пилсудскому, наподобие письма запорожских казаков турецкому султану. Изложив все жестокости, применяемые правительством и помещиками к крестьянам, они выдвинули ряд требований. Чтобы быть уверенными, что требования партизан, а значит, и народа, дойдут до правительства, один экземпляр письма был направлен в Лигу Наций:

Национально-освободительное движение находило понимание и довольно активно поддерживалось рабочими и крестьянами в Центральной Польше, в соседней Литве и особенно на территории Западной Украины. Через литовско-польскую границу в Западную Белоруссию часто проходили партизанские группы из Литвы, организованные Белорусским Национальным Комитетом, базирующимся в Ковно. Много внимания этому уделял и сам Ластовский. Это лишний раз доказывает, что выступления белорусов за национальное освобождение было задачей не исключительно коммунистов. Это было широкое движение, в котором принимали участие широкие слои населения, различные политические партии. Нередко, преследуемые польскими властями, белорусские партизанские группы укрывались в литовских и украинских лесах. Весьма успешным было взаимодействие партизан Западной Белоруссии и Западной Украины.

Естественно, польские власти не могли мириться с разрастающимися выступлениями партизан Западной Белоруссии и Западной Украины, а также солидарной поддержкой их рабочими и крестьянами Центральной Польши. Министерство юстиции разослало правовым органам Польши предписание восстановить в Западной Белоруссии, Западной Украине, особенно в Галиции, а также Познани и Верхней Силезии, где партизанская борьба также получила широкую поддержку и понимание, разъяснение 58-й статьи уголовного кодекса, предусматривающей

осуждение на смертную казнь за государственную измену с требованием активного ее применения. И карающая рука польского правосудия, совместно с регулярными войсками, обрушилась на партизан. Как пишет Орехво, «...газеты сообщают, что военно-полевой суд в Несвиже приговорил к расстрелу крестьян деревни Яновичи, обвинявшихся в участии в партизанских выступлениях на Виленщине...», арестовано около трех тысяч крестьян-белорусов и литовцев...». А вот еще сообщение: «В последнее время начали действовать полевые суды. Так, из Варшавы сообщают, что полевой суд на «Кресах» приговорил 16 партизан к расстрелу...».

Фактически в эти годы Западная Белоруссия была охвачена вооруженными восстаниями и протестными выступлениями белорусов за свое освобождение от польского господства. Для подавления выступлений белорусских партизан польское правительство широко использовало регулярную армию, и в первую очередь кавалерийские части. В 1925 г. на территории Новогрудского воеводства, где особенно активно действовали повстанцы, было введено осадное положение. Только в апреле 1925 г. здесь было арестовано и брошено в тюрьмы 1400 человек. В это же время в Полесском воеводстве, как сообщали польские власти, было арестовано около 1500 подпольщиков, партизан и их помощников. В таких условиях продолжение вооруженной борьбы было обречено. ЦК Компартии Западной Белоруссии в 1925 году рекомендовал партизанские выступления свернуть.

Сложившееся в Западной Белоруссии положение вызывало у многих жителей «Кресов» недоумение. Все еще звучали призывы к сопротивлению. Разные слои общества по-разному воспринимали действительность, поэтому содержание и формы несогласия с политикой польских властей были разными. Уже с начала 20-х гг. активно действовали партии, общественные, культурные организации, всевозможные товарищества, выражавшие свое несогласие с политикой государства по отношению к национальным меньшинствам. Они принадлежали к национально-демократическому крылу. Наиболее влиятельная в этом лагере была партия Белорусская Христианская Демократия (БХД). Под ее влиянием находилась определенная часть белорусов-католиков, которых в Западной Белоруссии было значительное количество. Естественно, ее лидерами являлись ксендзы: В. Станкевич, И. Годлевский, И. Позняк и др. БХД издавала свою газету «Беларуская крыніца», которая имела довольно широкое распространение. БХД в своей программе не признавала классовой борьбы, отстаивала основы буржуазного общества. Вместе с тем программа партии содержала требование земельной реформы в пользу крестьян, придерживалась теории «самобытности Белоруссии», отстаивала права белорусов развивать свою культуру и т. д., чем, естественно, вызывала недовольство польских властей.

Группа политиков во главе с В. Рагулей и Ф. Яремичем в 1925 г. организовала национально-крестьянскую партию – Белорусский крестьянский союз, издавала газету «Славянская нива». Основная цель – создание белорусской буржуазной республики.

Хотелось бы отметить еще одну группу политиков из национально-демократического лагеря – Национальную партию А. Луцкевича и Р. Островского, оформившуюся в 1929–1930 гг. и издававшую газету «Наперад». Надо отдать должное деятельности этой партии на культурном поприще в области национального возрождения. Ее безусловной заслугой являлось и создание Белорусского института хозяйства и культуры, как национально-просветительной организации, по инициативе и с помощью которого создавались клубы, библиотеки, кооперативы, велось изучение быта, условий жизни и труда белорусского населения. Особенностью партии А. Луцкевича было то, что она подчеркивала в печати и устных выступлениях, что не будет служить ни Москве, ни Варшаве. В 1936 г. польскими властями деятельность этой партии была запрещена.

Левое крыло революционно-демократического лагеря возглавляла Компартия Западной Белоруссии (КПЗБ), созданная в 1923 г. и вместе с Компартией Западной Украины (КПЗУ) являвшаяся составной частью Компартии Польши (КПП). КПЗБ боролась за победу пролетарской революции в Польше, признавала классовую борьбу, активно выступала за самоопределение Западной Белоруссии вплоть до отделения от Польши и воссоединения с БССР. В аграрной политике ее лозунг был – ликвидация помещичьего землевладения и передача земли крестьянам безвозмездно. КПЗБ отстаивала права белорусов на труд, медицинское обслуживание, образование, развитие национальной культуры и белорусского языка.

В конце 1923 г. в состав КПЗБ влилась группа – Белорусская революционная организация (БРО) под руководством Логиновича, Кончевского, Капуского, выделившаяся из левого крыла белорусских эсеров. Организаторами КПЗБ были С.А. Дубовик, С.А. Менгерс, С.Т. Миллер, А. Славинский, П. Логинович.

Под руководством КПЗБ находился ряд организаций, обществ, клубов. Это Коммунистический Союз молодежи Западной Белоруссии (КСМЗБ), Международная организация помощи революционерам (МОПР), Товарищество белорусской школы (ТБШ), пионерская организация, Посольский клуб белорусской крестьянско-рабочей Громады (БКРГ). В начале 1927 г. Громада насчитывала более 2 тыс. кружков (120 тыс. чел.). После роспуска Громады ее дело стремился продолжить посольский клуб «Змаганне».

КПЗБ вместе с подопечными организациями, обществами периодически (между репрессиями) издавала свои газеты, журналы: «Чырвоны сяг», «Партработник», «Большевик» на русском и белорусском

языках и на польском – «Куймы бронь», «До вальки», на еврейском «Рот-фронт» и др.

Стремясь сломать сопротивление белорусских партизан, польские власти усиливали репрессии. В деревнях зверствовал дикий полицейский террор. Крестьян арестовывали, жестоко избивали в полицейских участках. Сотни трудящихся были осуждены, брошены в тюрьмы. В конце 1929 г. только в тюрьмах Западной Белоруссии насчитывалось 1300 политических заключенных. Прошло несколько громких, крупных процессов над белорусскими партизанами. Например, в мае 1923 г. в Белостоке состоялся процесс 45 белорусских партизан, действовавших на Белостотчине, среди них было даже два депутата сейма – члены белорусской национальной фракции С. Баран и С. Яковюк. Обвиняемого С. Матеевича суд приговорил к пожизненному заключению и Е. Иванюка – к 10 годам тюрьмы.

Вторая группа партизан, действовавших также в восточных повятах Белостотчины, находилась в гродненской тюрьме. Суд над ними, известный под названием «Процесс 72», состоялся в Гродно в 1925 г. Только в 1923 г. в Польше были приговорены к смертной казни 109 человек. Большинство из них – партизаны и подпольщики из Западной Белоруссии и Волыни.

Такова была ситуация в стране и на «Кресах Восточных», когда еле-еле выкарабкавшиеся от тифа жители Гаркавичей обустроивались, возвращались к жизни и в прямом и в переносном смысле. Почему ничего об этих событиях мне не рассказывали ни отец, ни братья, не знаю.

А время идет. Вот и Надя выходит замуж. Ее избранник – Никанор Устилко. Люба подрастает, ей 8 лет, чем не помощница? А оставшимся дома братьям, в первую очередь Саньке, как старшему (уже 15 лет), Сереже (9–10 лет) все более очевидной становится невозможность дальнейшей жизни в бесправии, бедности. Старший сын Осипа Притыцкого, Саня, делает первые, но уверенные шаги в политику. В принципе он уже кое-что знает о революционной борьбе – слышал от Ипполита. Но это было как бы сбоку, рядом, созерцательно. Теперь встает задача самому участвовать, что-то делать, не только слушать и смотреть.

Будучи в какой-то степени готовым к восприятию революционных идей после пережитых событий в России, Санька тянулся к старшим. И как только почувствовал, понял, что в деревне есть люди, готовые к борьбе с панской Польшей, стал осторожно, но настойчиво искать с ними связь. Вскоре он находит взаимопонимание, общие политические интересы с односельчанами М. Кишкелем, Г. Костецким, Д. Кишкелем. А больше всего его привлекает старший по возрасту, уже состоявшийся политик Павел Петрович Волошин.

Родился он в 1881 г. в д. Гаркавичи в крестьянской семье. Еще учась в школе, интересовался передовыми взглядами, классово-борьбой. После

школы Павел Петрович окончил реальное училище в Екатеринославе, затем работал почтовым служащим на Гродненщине. Здесь он стал глубже вникать в революционную теорию; много читал, знакомился с радикальными мыслями и течениями. Во время Первой мировой войны служил в царской армии. Четкой политической ориентации у него тогда еще не было. Был одно время членом партии эсеров, затем – Белорусской социал-демократической партии. После окончания войны вернулся в Гаркавичи, работал в сельском хозяйстве, определил свои политические взгляды и стал принимать активное участие в общественно-политической жизни. В 1922 г. в Польше во время парламентских выборов в сейм и сенат прошли, соответственно, 11 и 3 депутата-белоруса. Нужно отметить, что белорусские депутаты принадлежали к различным политическим партиям и отличались друг от друга по социальному положению. Тем не менее они, как и другие члены парламента, создали свою национальную фракцию и свой Посольский клуб (БПК).

В 1925 году левая фракция Посольского клуба создала вместе с КПЗБ и другими революционно-демократическими организациями Белорусскую крестьянско-революционную Громаду (БКРГ), выросшую в массовое общественно-политическое движение, в рядах которого насчитывалось свыше 120 тысяч человек. На то время это была самая многочисленная организация в Европе. Возглавили ее Бронислав Тарашкевич, Семен Рак-Михайловский, Петр Метла и Павел Волошин.

Будучи членом Посольского клуба в парламенте и одним из руководителей Громады, П. Волошин получил возможность разъезжать по стране. Волошин умел увлечь своими идеями. Так, по его предложению, при самом активном участии Костецкого, Кишкеля, Филиновича, Боровика и Саньки в Гаркавичах и соседних деревнях стали создаваться кружки Товарищества белорусских школ.

Необходимо подчеркнуть влияние П.П. Волошина на становление Гаркавичей как очага культуры в Белостотчине. Под его руководством и при непосредственном участии, кроме школы, здесь была создана небольшая библиотека, в которую стараниями посла и активистов Громады и ТБШ поступали книги и периодика. Санька и другие активисты обходили хаты, разъясняли значение библиотеки, собирали имеющиеся у крестьян книги, журналы и пополняли библиотечный фонд. Миную строгую цензуру, удавалось иногда пополнять книжный фонд некоторыми газетами и журналами из СССР. За книгами в Гаркавичи приходили крестьяне из других деревень. А вскоре в Суковичах, Пирожках, Острове, Каменке, Крынках стали создаваться свои библиотеки, кружки Громады, ТБШ. И в библиотеках, и у людей дома, хоть и мало, но имелась литература на русском и белорусском языках.

Дело в том, что сразу после присоединения Западной Белоруссии к Польше в Варшаве, Вильно, Ковно (Литва) еще продолжала выходить

белорусская литература. В основном это были учебники, песенники, художественная литература, издаваемые общественными либо частными издательствами. В надежде на то, что если не в государственных, то в частных либо подпольных белорусских школах дети белорусов все-таки будут иметь возможность изучать родное слово, там были изданы «Хрестоматия новой белорусской литературы» Дворчанина, «Чытанка. Родны край» Горецкого, «История белорусской литературы», «Хрестоматыя беларускай літаратуры», «Беларуская граматыка» Б. Тарашкевича, «Беларускі правапіс» Я. Станкевича. Появлялась общественно-политическая и художественная литература. Изданы были «У пуццях Палесся» Якуба Коласа, «Конек-Горбунок» П. Ершова, «Сказка о рыбаке и рыбке» А. Пушкина, «На этапах», «Журавінавы цвет», «Нарач» Максима Танка, «Васількі» М. Лынькова, «На покуці» Янкі Быліны, «На прадвесні», «Смерць Кастуся Каліноўскага», «З-пад стрэх саламяных» М. Машары и многое другое. Правда, большинство этих изданий конфисковывалось, издавалось по одному-два раза, небольшими тиражами. Вместе с тем иногда удавалось, обходя цензуру и запреты, издавать некоторые произведения по несколько раз. Например, неоднократно издавалась «Дудка беларуская» Ф. Богушевича, «Вянок» М. Богдановича. Ермоличу удалось издать журнал «Зорька» 6 раз с 1921 по 1936 г. Никаких гонимых, поощрений. Заслота о родном языке, белорусской культуре руководила этими и многими другими подвизниками. Некоторые из этих изданий были и в Гаркавичской библиотеке.

Благодаря стараниям Волошина в Гаркавичах была открыта школа. Правда, не белорусская, как ни старались, а польская. Несмотря на протесты Волошина и возмущение крестьян, школа осталась польской. И это понятно. Уже велась официальная политика правительства, направленная на ополячивание, окатоличивание белорусского народа.

«Ну, что ж, польская, так польская», – решили крестьяне и на время успокоились. Дети не останутся неграмотными. В эту школу пошли Сережа и Люба.

В 1923–1924 гг. П. Волошин, уже как член КПЗБ, вместе с М. Кишкем, Д. Кишкем Г. Костецким создали коммунистическую ячейку в Гаркавичах. Активно действовали ячейки Компартии в Крынках, Суковичах и т. д.

В 1939 г., во время освобождения Западной Белоруссии была обнаружена карта населенных пунктов, «пораженных большевистской пропагандой». Составляли ее скорее всего агенты дефензивы. На карте в окрестностях Гаркавичей и Крынок практически не было ни одной деревни, не обведенной красными чернилами. Это значило, что там были партийные, комсомольские ячейки, кружки ТБШ, Громады, МОПРа.

Волошин часто выступал на митингах, собраниях. Далеко не всегда такие собрания заканчивались мирно. Так, в декабре 1926 г. на съезде

Громады в д. Старо-Березова Бельского повета, где присутствовали 120 делегатов от местных кружков, полиция ворвалась в помещение и начала погром, хотя съезд был легальный, официально разрешенный.

В результате несколько человек было ранено, в том числе Волошин, Метла. Крестьяне отвезли раненых послов в Гайновку, на квартиру Г. Волчека, члена Громады. Но и здесь появились пьяные полицейские, разгромили квартиру, а хозяина жестоко избили.

В связи с событиями в Старо-Березове Посольский клуб Громады, крестьянская партия, фракция польских коммунистов в сейме, Украинский клуб потребовали экстренного заседания сейма для обсуждения этого вопиющего нарушения депутатской неприкосновенности. Метла и Волошин предоставили неоспоримые улики содеянного: окровавленную одежду, фотографии, показания свидетелей. ЦК КПЗБ по этому поводу выпустил специальную прокламацию с призывом организованно протестовать против подобных действий полиции.

Об активной политической пропагандистской деятельности Волошина говорят и официальные документы. Так, в обвинительном акте на суде над членами Громады 5 декабря 1925 г. фамилия Волошина упоминается неоднократно в связи с распространением запрещенной литературы, организацией кружков ТВЩ и т. д.

В одном из донесений участкового полицейского отмечается, что во время слежки и опросов жителей в Одельской гмине ему стало известно, что антигосударственную деятельность инспирирует посол сейма Павел Волошин, которому в его деятельности помогают: Константин Белокоз, Иван Силович, Александр Кисель и другие. Другой документ

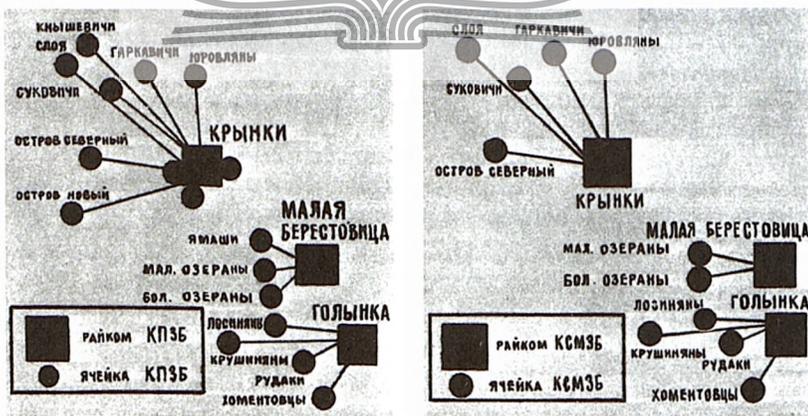

Схема подпольных ячеек и райкомов КПЗБ и КСМЗБ только в Крынках и Малой Берестовице

говорит, что во время обыска в доме А. Киселя найдены журналы антигосударственного направления: «Крыніца», изданный Ластовским в Ковно, и «Белорусский студент» (издательство Врача в Чехословакии). При выяснении полицейскими, чья это литература, стало известно, что получены они от посла Волошина.

Можно приводить много примеров подобной деятельности Волошина. Будучи послом в сейме, он работал в разных комиссиях. И ко всем вопросам, которые Волошин изучал либо готовил на заседания сейма, он подходил со всей принципиальностью, прямоотой, ответственностью. Так, при обсуждении в сейме 6 мая 1925 г. проекта бюджета, представленного Министерством юстиции, Волошин, как свидетельствуют документы, доказал, что представленные в бюджете высокие суммы, выделяемые этому министерству, говорят о низком культурном уровне страны, о разгногласиях государства и общества, о наличии десятков тысяч узников, об антисанитарных условиях их содержания, о пытках и издевательствах в тюрьмах, о многочисленных смертях от голода и болезней. «Издевательства, насилие, беззаконие и бесправие трудового крестьянства – вот стиль и формы деятельности Министерства справедливости», – отмечал в своей речи Волошин.

Яркими, убедительными были выступления Волошина и при обсуждении положения в сельском хозяйстве, о земельных наделах, осадничестве, о народном просвещении, в которых он со знанием дела раскрывал суть политики польских властей в отношении национальных меньшинств. Все речи, будь то в сейме, на митинге, съездах и т. д., Волошин и его коллеги по посольской фракции использовали для разоблачения антинародной, великодержавной политики польских правящих кругов и для пропаганды идей коммунизма, справедливости, равноправия, национальной независимости.

Обо всем этом он рассказывал своим друзьям, единомышленникам в Гаркавичах. И наш Санька активно включился в революционную деятельность. Все более ответственные задания поручали ему старшие товарищи. Читал марксистскую литературу. Дело в том, что Громадой и Посольским клубом «Змаганне» были изданы отдельные работы Маркса, Энгельса, Плеханова, Сталина. Сохранились в некоторых библиотеках и работы Ленина. И в результате теоретической подготовки, практического участия в революционных делах в Гаркавичах и окрестных деревнях Санька в 1923 г. стал членом Компартии Западной Белоруссии.

П. Волошин, Александр Притыцкий, их единомышленники были людьми того времени, когда ломались судьбы не только отдельных личностей, но и стран, народов, когда «призрак коммунизма» бродил по Европе и захватывал, вовлекал в свое брожение тысячи и тысячи людей, которые свято верили, что это и есть путь к свободе, счастью.

Этими идеями были вдохновлены, этим жили поколения 1920–1930-х годов не только Западной Белоруссии. Сотни и сотни патриотов каждое мгновение играли со смертью. Не потому, что не любили жизнь. Любили. Но в их понимании жизнь – это борьба, это непокоримая сила и самопожертвование борца, готового идти к своей цели даже ценой своей жизни. Переполненные этими чувствами, сотни, тысячи коммунистов и комсомольцев, много лет проводившие в тюрьмах, концлагерях, после неоднократных арестов и пыток находили в себе силы возвращаться в строй, продолжать борьбу.

Без этого высочайшего чувства патриотизма, справедливости и Сержа не пошел бы в суд, понимая, что ему грозит за уничтожение верно прислужника польской власти провокатора Стрельчука.

Даже беглого взгляда вглубь нашей истории вполне очевидно: без революционного подъема, без того самопожертвования, высшего предела преданности идее, народу не было бы Т. Костюшко, К. Калиновского, Софьи Перовской, В. Врублевского, Г. Димитрова и многих-многих борцов за свободную, счастливую жизнь, за человеческое достоинство. Если же приходилось умирать, то даже смерть служила актом презрения, вызовом врагу.

Мысленно возвращаясь в то время, в ту обстановку и среду, где жили и боролись тысячи патриотов Польши, Западной Белоруссии, прокручивая в уме все, что помню, что узнала из документов, от свидетелей тех событий, не могу не восхищаться этими людьми. Среди них отец и мои братья Александр, Сергей, сестра Люба, их соратники, лично знакомые и не знакомые. Это и Дворников, Хоружая, Максим Танк, Пестрак, Царюк, Железнякович, Ласкович, Добрян, Богданчук, Панкова, Волошин. Имя им: комсомольцы, коммунисты, беспартийные.

Революционная деятельность Александра не осталась незамеченной младшим, Сергеем. Частые отлучки брата, особенно по ночам, тайные разговоры с проходящими тайком незнакомыми людьми вызывали у Сережи массу вопросов, на которые далеко не всегда он получал ответ. Санька, оберегая Сережу от слишком раннего революционного взросления, оттягивал разговоры на серьезные темы. Куда ему, еще мальчишка, всего-то 10–12 лет. А вот книжки почитать – пожалуйста. И Александр приносил книги о советских пионерах, о путешествиях, приключениях. Где Санька брал эти книги, Сережа не знал, да и неважно. Главное – они такие интересные, захватывающие. Особенно ему нравились книги о советских детях. Как он им завидовал! Ведь они могут учиться на родном языке, отдыхать, участвовать в таких интересных делах, как демонстрации, всякие пионерские мероприятия, петь песни у костра, ходить в походы. Он тоже знал много песен, пел хорошо. Но не все песни можно петь громко, за них можно и нагонять получить в школе, и подзатыльник от отца.

Будучи любознательным, увлекающимся, скорым на выдумку, он загорелся новой идеей. Эти первые знакомства с иной жизнью чуть не закончились плачевно.

Вместе со своим другом Ваней Костецким они задумали и начали подготовку к побегу. Мальчишкам в 12–13 лет свойственно чувство романтики, осознание себя все знающими и умеющими. И наши «робинзоны» начали серьезно готовиться к побегу. И не куда-нибудь, а в Страну Советов. Насушили на печке, а часть на солнце, сухарей, сэкономили по нескольку кусочков сахара, отрезали от скудных домашних запасов по ломтику сала и стали ждать удобного момента. Но неожиданно родители Вани обнаружили собранные продукты. Естественно, вместо побега – взбучка от отца и серьезный «взрослый» разговор с Александром.

После неудавшегося побега Сережа как-то заметно посерьезнел. Ему, по-видимому, глубоко запали в душу слова отца о том, что своим побегом в СССР Сережа поставит под удар всю семью, что он расстроил маму, у которой и без того полно забот. Ведь есть в семье еще совсем маленький Витя, Люба едва справляется с домашней работой – нужно же учиться. Да и самому Сереже еще нужно учиться, чтобы больше знать, уметь и принести больше пользы людям. А пока нужно надеяться на лучшее будущее, ждать. А как долго? Кто его знает. И Сережа сделал для себя вывод: чтобы ускорить это лучшее будущее, он станет еще ближе к Саньке. Он внимательно слушал, когда ему, да и всем домашним, в редкие свободные вечера Санька читал вслух.

Только-только рассчитались с долгами за корову. Нужно как-то и лошаденку купить. Опять Сережа пошел в пастухи, а Санька – в сезонные рабочие. Люба вспоминала, что она была еще подростком, когда рано утром, чуть небо посветлеет, мама будила Сережу, и тот бежал к хозяину, чтобы выгнать десяток коров да табун лошадей на луга возле гая. А чтобы не уснуть, не упустить коров на чужое поле, Сережа должен был бесперывно ходить. Мама уже не ложилась спать, стояла под вербой, смотрела в сторону гая и думала свою горькую думу: «Детки мои, детки, куда мы вас привезли? Что ждет вас?» А когда Сережа запоет своим чистым, звонким голосом – слеза сама польется: «Учиться бы тебе, сынок, а ты пастух».

Учился Сережа легко, проявлял большой интерес к учебе. Мечтал после окончания школы в Гаркавичах продолжить образование в Виленской гимназии. Но жизненные обстоятельства продиктовали иное решение – учиться бороться за лучшее будущее своего народа, за право «людзьмі звацца».

В то время обучение в гимназии было очень дорогим. Корова стоила 250–300 злотых, пуд ржи – 2,5–3 злотых. Следовательно, как напишет потом Сережа в своих воспоминаниях, «крестьянину, чтобы послать своего сына или дочь в гимназию, нужно было продать 3 коровы. Ясно,

что он при всем своем желании не мог этого сделать. Вот почему большинство населения в Западной Белоруссии имело образование всего 3–4 класса».

Если песни смолкали, значит, Сережа опять какую-то книгу взял с собой на пастбище – читает. А он читал то книгу, то газету. Особенно любил читать «Комсомольскую правду» – зачитанную до дыр односельчанами, судя по дате, не вчера напечатанную.

В газетах, которые тайком приносил старший брат, так много было живого, интересного о жизни молодежи в СССР, куда так и не удалось сбежать; о забастовках в капиталистических странах. Значит, не одни мы, бесправные белорусы, еще живем в ярме. Есть материалы и о созданном недавно Коммунистическом союзе молодежи Западной Белоруссии (ЛКСМЗБ). И Сережа видит себя в его рядах. Он знает, что в деревне есть комсомольцы, что они устраивают нелегальные собрания, что там читают нелегальные газеты, литературу, и всем сердцем рвется туда. Он уже не раз выполнял отдельные поручения комсомольской ячейки: разносил подпольные газеты, разбрасывал или расклеивал листовки, собирал деньги на нужды МОПРа. Но ему хотелось стать комсомольцем.

И как всегда, он обратился за советом к Александру. А старший брат, по-видимому, руководимый опасением за младшего, попытался отговорить его. Ведь он еще слишком малодушен – подросток, худющий. Жизнь подпольщика полна опасности, риска, требует силы воли и духа. Справится ли Сережка?

– Ты хоть немного понимаешь, представляешь себе, что тебя ждет? Там аресты, тюрьма, пытки, побои и издевательства надзирателей, суд и, возможно, длительное тюремное заключение. Ты молод, тебе жить и жить да наслаждаться жизнью.

– Не пугай! Я давно все знаю! – прервал брата Сергей. – По-твоему выходит, я хуже других, хилый, ненадежный? Хорош друг называется! А еще брат...

Что мог на это сказать Александр? Ему и приятно, что младший брат растет его единомышленником, а вместе с тем с приемом в комсомол сознательно не спешил – пусть поработает на подхвате, наберется опыта, овладеет методами, формами конспирации.

А пока Сереже, действительно, было не все ясно и понятно. Как-то по совету Александра его пригласили на очередную массовку. Местом ее проведения комсомольцы избрали поляну на опушке небольшого лесочка в 4–5 км от деревни. Сережа пришел и в недоумении озирался по сторонам: на поляне – обыкновенное веселое гулянье. Парни и девушки из соседних деревень пляшут под привычную для этих мест музыку – гармошку, барабан и скрипку. Вот это и есть массовка? Это подпольная сходка? Сережа возмущен.

Но вот подходят группы молодежи из дальних деревень. Уже и поляна мала для пляски. И тут гармонист заиграл «Ад веку мы спали», и все дружно подхватили знакомую мелодию, затем другую, третью. Вокруг стояли посты: вдруг будет ехать на велосипеде полицай! Организаторы просят ребят петь потише. Пение сменилось выступлениями вожаков местного комсомола, которые рассказывали о классовых противоречиях, о событиях в мире, о новейших документах КПЗБ и комсомола Западной Белоруссии, зачитывали листовки. Тут же поднимались вопросы, касающиеся жизни местной молодежи. Ставились задачи по привлечению ее к более активному участию в общественно-политической жизни края.

С тех пор Сережа стал не только участником подобных массовок, но и их организатором. Постепенно он все глубже втягивался в работу нелегальных организаций. Как и у других подпольщиков, у него появилась кличка – «Юрка», и Александр дает ему все более сложные задания. С тех пор братьев связала на всю жизнь крепкая дружба – дружба братьев-борцов.

Неслучайно Сергей неоднократно подчеркивал, что Александр оказал большое влияние на формирование его взглядов. «Причем, – писал он в своих воспоминаниях, – это влияние и убежденность самого Саньки базировались не на теоретических положениях, догмах, вычитанных из книг, листовок, а на реально пережитом и увиденном. Брат хорошо помнил Октябрьскую революцию и те реалии, с которыми столкнулся уже на родине в 1921 г. Неслучайно Александр в 18 лет в 1923 г. стал членом КПЗБ, а через некоторое время и секретарем подпольного Гродненского, потом Слонимского окружного комитета партии. Он мне часто давал читать подпольную коммунистическую литературу. Немало мы проводили с ним бесед о классах и классовой борьбе».

Сережа задавал брату все новые и новые вопросы и ждал разъяснений. Что такое стабилизация в экономике Польши? А что это за депрессия? Как они сказываются на нашей жизни конкретно? И Сережа узнал, что экономика Польши в застое, что положение национальных меньшинств ухудшилось после переворота Ю. Пилсудского в мае 1926 г. Правительство пыталось выкарабкаться из внешних долгов, оживить промышленность, сельское хозяйство. Но все это делалось через усиление эксплуатации трудящихся, увеличение налогов, удлинение рабочего дня и снижение заработной платы, особенно на национальных окраинах страны. Различные реформы в сельском хозяйстве: ликвидация сервитутов, продажа земли крестьянам мелкими размерами (парцелляция), хуторизация – были направлены не на улучшение жизни бедных слоев крестьянства, а на поддержку кулачества, осадников и помещиков. Правительству нужна надежная опора на селе. А кто там будет верно служить? Конечно, осадники да кулаки. А беднейших кре-

стьян можно поставить на колени и таким путем заставить их быть покорными рабами.

– Но наш народ не хочет жить на коленях!

– Вот поэтому и борется.

– Погоди, я читал, что приход к власти Пилсудского был встречен ликованием, его поддерживали даже коммунисты, – недоумевает Сережа.

– Да, когда Пилсудский при помощи верных ему легионов совершил государственный переворот, его поддерживало большинство населения, в том числе и руководство компартий Польши, Западной Белоруссии и Западной Украины. Это произошло потому, что переворот совершался при помощи дезинформации, усиленно распространяемой сторонниками Пилсудского. Они провокационно выдвинули лозунги, близкие и понятные широким народным массам. А это в первую очередь отстранение от управления реакционного правительства Витоса, восстановление демократических прав и свобод, в том числе и национальным меньшинствам, гарантированных мартовской Конституцией 1921 г. Но первые практические шаги новой власти показали, чего стоили их лозунги, обещания. Демократические силы всей Польши и, естественно, руководство

Главное правление ТБШ. Стоит первый слева председатель Белостокского отдела ТБШ Г. Ширма

Руководители
Громады

Компартии, осудили на своих съездах, собраниях ошибочную линию на поддержку переворота Ю. Пилсудского, раскрыли суть нового режима «санации» (оздоровления) и призвали продолжить борьбу с ним.

И борьба продолжалась по всей стране.

Правда, после подавления партизанского движения, на какое-то время массовые выступления в Центральной Польше, в Западных Белоруссии и Украине несколько сократились. На смену вооруженным выступлениям партия поставила задачу усилить связи со всеми демократическими партиями и движениями, наладить работу в легальных организациях, в массах. Активизировалась борьба за белорусскую школу, язык, культуру, за права политзаключенных и т. д.

— Вот смотри, братишка, в какую мощную организацию выросла наша Громада. Павел Петрович Волошин недавно приезжал, говорил, что в ней уже свыше 100 тысяч человек. Такой многочисленной организации нет ни в одной стране Европы. А ТВШ? А МОПР? Растут ряды и Компартии, и комсомола, и пионерских дружин. Народ не мирится.

Естественно, активная работа Громады, послыев сейма не могли оставаться вне поля зрения властей. И ночью с 14 на 15 января 1927 г. начался разгром Громады. По заранее намеченному плану прошли массовые аресты коммунистов и активистов Громады. Для маскировки антибелорусской акции были проведены аресты польских коммунистов и активистов в Варшаве, Познани, Торуне. Расправам подверглись местные организации и независимой крестьянской партии, никак не связанные с Компартией, местные организации ППС-левицы (левого крыла Польской партии социалистической), белорусские кооперативы, организации левого крыла профсоюзов.

Без согласия сейма, в нарушение закона о неприкосновенности по-слов, власти арестовали Б. Тарашкевича, С. Рак-Михайловского, П. Во-лошина. Всего в течение двух дней было арестовано и посажено в тюрьмы более 400 человек. 28 мая 1928 г. окружной суд вынес приговор по делу руководителей Громады и ее активистов, который предусматривал тю-ремное заключение от 6 до 12 лет. Правда, в 1929 г. апелляционный суд в Вильно под давлением общественности снизил срок заключения для руководителей Громады до 6 лет. Тем не менее все они были узниками польской тюрьмы, «узниками совести». Руководство Советского Союза выступило в защиту арестованных. Многих рядовых членов Громады и других демократических организаций польские власти вынуждены были освободить.

По согласованию советского и польского правительств в сентябре 1932 г. состоялся обмен группами политзаключенных между СССР и Польшей. На советскую землю прямо из тюрьмы прибыли 40 полит-заключенных, видных деятелей КПП, КПЗБ, ЛКСМЗБ, Громады, По-сольского клуба «Змаганне». После отдыха и лечения все они были ис-пользованы на соответствующей их способностям, желаниям работе. П. Волошин стал работать секретарем МОИРа в БССР. Б. Тарашкевич работал в Международном аграрном институте в Москве, заведовал отделом Польши и Прибалтики. Вместе с послами по обмену прибыли в СССР В. Хоружая, которая затем работала в заграничной редакции КПЗБ и написала под псевдонимом «Алеся III.» брошюры «За Красный Октябрь в Западной Белоруссии» и «Мы молодая гвардия рабочих и крестьян». И. Дворчанин, как филолог, работал в АН БССР; И. Гаврилик стал членом коллегии Наркомпроса, Ф. Вольнец – начальником отдела кадров Наркомхоза и т. д.

К сожалению, в дальнейшем большинство из них постигла жестокая несправедливость: как «враги народа», «агенты» польской разведки они были репрессированы в конце 1930 – начале 1940-х годов.

Часть IV. Школа жизни

В конце 1920-х годов нависла угроза мирового кризиса. Замедлялись темпы промышленного производства, росло число «лишних» рабочих рук. В связи с ухудшением материального положения бедняцких масс в деревне, высокими ценами сузился внутренний рынок. После разгрома в 1927 году Громады и последовавшего за ней террора в отношении коммунистов Западной Белоруссии положение в стране изменилось. Уси-лилась консолидация сил на диаметрально противоположных полюсах. С одной стороны сплачивались силы правительственного лагеря, кото-

рые все активнее пресекали любые проявления несогласия с официальной политикой. На другом полюсе росло недовольство народных масс, активизировались революционные настроения и выступления.

Если правительство Польши до майского переворота делало ставку на зажиточное население в коренной Польше, то новые власти пошли по пути удовлетворения интересов белорусского кулачества. Власти искали в нем опору для своей политики в этом сельскохозяйственном районе. И это режиму «санации» в значительной мере удалось – кулаки встали на сторону правящего режима. Как и в начале 1920-х годов, газеты запестрели сообщениями о массовой безработице, забастовках, отказах от повиновения властям как рабочих, так и крестьян.

В этих условиях состоялся I съезд КПЗБ (июль 1928 г.). На съезде было подчеркнуто, что нужно быть весьма критичными по отношению к действиям «санации» и активизировать усилия по укреплению связи партии с массами. В своем выступлении на съезде представитель Коминтерна В.Г. Кнорин отмечал, что вряд ли где-либо найдется партия, которая превзошла бы коммунистов по количеству жертв, больших политических процессов, количеству осужденных. Но и в этих условиях коммунисты и комсомольцы первичных организаций выполняли решения съезда, и, как свидетельствуют документы, только в 1929 г. и первой половине 1930-го в Западной Белоруссии произошло около 60 забастовок с участием 45 тысяч человек, то время как в 1928 г. – только 20 тысяч.

И Александр, и Сергей Пригитские все теснее связывали свою жизнь с революционной борьбой. Санька, как воспитанный, подлежал призыву в польскую армию. Можно было найти предлог и уклониться от службы. Но это было время, когда и I съезд КПЗБ, и III партийная конференция (январь 1929 г.) выдвинули задачу усиления работы в легальных организациях, в том числе и в армии. Этот вопрос остро встал и в связи с тем, что после разгрома Громады власти Польши сделали все, чтобы в результате новых выборов в 1930 г. не допустить в сейм представителей из Западной Белоруссии и Западной Украины. Компартия и демократические, оппозиционные правительству, партии после разгрома в парламенте оппозиционного блока «Центролев» и массовых арестов по всей стране были лишены возможности использовать парламентские формы борьбы за права и свободы трудящихся.

А в это время Польша, опираясь на реакционные внутренние силы, при поддержке западных держав, усиленно готовилась к войне против СССР. В армии всеми способами насаждались антисоветские настроения. В унисон им антисоветская истерия заполонила буржуазные правые газеты. Активизировались реакционные силы из числа военных – так называемые «группы полковников». Шла идеологическая обработка солдат и офицеров. Укреплялась проправительственная молодежная военизированная организация «Стрелец».

В свою очередь Компартия и комсомол стали издавать нелегальную газету «Поборонец» («Допризывник») на польском языке, издавались листовки, обращения к польским солдатам, где разъяснялась антинародная политика правительства по милитаризации страны и подготовке новой войны.

Санька службу в армии воспринял как реальную возможность выполнять поставленные партией задачи. Весной 1928 г. он был призван в польскую армию и служил в 81-м полку, в Гродно. Вскоре командование полка обратило на него внимание: физически развитый, трудолюбивый, службу несет исправно, от трудностей солдатской жизни не уваливается, знает польский язык, грамотный. С такими данными быть ему офицером. И решено было направить его в школу подхорунжих (младших офицеров).

Перед отправкой в школу брата отпустили в отпуск домой на 8 дней. К этому времени он уже был секретарем местной комсомольской организации.

Быстро пролетели эти восемь дней. И вот Александр – в военной школе. Много времени отнимала строевая подготовка и учебные занятия, но постепенно познакомившись с курсантами, Александр начал пропагандистскую работу: одним расскажет о положении в стране, другим – об Октябрьской революции и жизни в СССР. Как ни соблюдал он осторожность, но начальство школы, присматриваясь к курсантам, изучая кандидатов в офицеры, выявило, что он ведет агитационную работу среди солдат. А тут из военкомата по запросу школы пришло сообщение, что Санька был одним из организаторов и активным членом кружка ТБШ. То есть А. Притыцкий – «неблагонадежен», и его направляют дослуживать охранником в Вильно – в тюрьму, которая была расположена на Антоколе. Как рассказывал позже его сослуживец и единомышленник односельчанин Александр Устико, товарищи очень сожалели, что Саньке пришлось уйти из армии. На него очень надеялись в плане партийной работы.

Направляя Александра на службу в тюрьму, начальство школы и командование полка надеялись, что близкое знакомство с тюрьмой, ее порядками остудит горячую голову Притыцкого, отобьет у него охоту к красной агитации. Но Александр и здесь, и эту службу использовал в тех же интересах, ради которых он шел в армию.

Нужна была связь с политзаключенными для выяснения их нужд, для оказания всесторонней помощи, для консультаций по правовым вопросам заключенных. Через Александра и была установлена эта цепочка. Но тюрьма есть тюрьма – недоверие, слежка, особенно за новичками. И вскоре тюремное начальство заметило, что новый охранник ведет себя подозрительно, слишком часто останавливается у отдельных камер, задерживается на работе. Но так как прямых улик против него не было –

решили избавиться от Притыцкого от греха подальше. И Александра уволили, благо, что подошел конец службы в армии, и он вернулся домой.

Отец рад. Дома еще одни рабочие руки. Ведь работы невпроворот, и Александр с охотой включается в хозяйственные дела, в сельскохозяйственные работы. С отцом и Сережей то крышу накроют, то забор починят. Помогал Санька отцу и что-нибудь пошить. А тем временем восстанавливал связь с товарищами. Включился в организацию массовок, создание новых партячеек, обеспечение их литературой.

Все чаще и настойчивее Сережа заводит речь о комсомоле. Мечта о комсомоле, ожидание приема, а потом и известие о том, что его будут принимать в комсомол, рождала у Сережи особые настроения, ощущение чего-то праздничного, радостного. Он часто вспоминал ту весну, а когда рассказывал, глаза его теплели, загорались: «Весна была в разгаре, казалось, природа в унисон нашим настроениям жила радостным сиянием. Нас окутывали рождающаяся зелень, пение птиц, теплый весенний воздух. Лежим мы на лесной поляне с товарищем. Шумит лес, деревья тихонько покачиваются, смотришь в небо, и мысли уносятся вдаль. Сердце переполняет радость. Мы дождались, заслужили, нас будут принимать в комсомол».

В 1930 году Сергея вместе с Г. Костецким и Н. Кишкем приняли в комсомол. Как он радовался, гордился и в то же время ясно сознавал всю опасность того пути, на который встал!

В Москве работал Коммунистический Интернационал Молодежи (КИМ). Наши комсомольцы знали о нем и, так же как советские комсомольцы, называли себя «кимовцами». Из Страны Советов через границу, запреты цензуры комсомольцы получали газеты, подпольную литературу, тексты новых песен о революционной борьбе, о комсомоле, о КИМе со словами: «КИМ, бей по разрухе, строим жизнь в новом духе», «Тракторами вспашем будущее наше». Это было время, когда все дышало борьбой с несправедливостью, манило в неведомое, звало идти вперед. КИМу верили, что он закладывает основу будущего нового общества, прокладывает путь грядущим поколениям.

Молодежь, охваченная пафосом борьбы, поднималась и шла искать свое место в этой борьбе и жизни. Естественно, не все сразу находили

Брат Александр Притыцкий.
1935 г.

широкую дорогу, по которой можно и нужно было идти к победе, ощутить свое место, увидеть какие-то результаты. Но можно смело утверждать, что подавляющее большинство тех, кто вливался в этот бурный поток революционных дерзаний, кто был охвачен революционным пафосом и романтикой, шли без колебаний. И это не только в Западной Белоруссии, Польше. Это было время брожения, ветра революционных бурь во всем мире.

Из гущи деревенской молодежи поднимались безусые, по нашим теперешним меркам, еще «зеленые» мальчики и девочки, готовые в любую минуту постоять не только за себя, но и за свой народ, да и за весь мир. И коммунисты, и комсомольцы жили, дышали надвигающейся мировой революцией. Шли они разными тропами к единой дороге, несмотря на индивидуальные склонности, характеры, но каждый из них и все вместе сознательно подчинились воле своих партий, которые воплощали в себе цели и задачи, определяли стратегию и тактику революционной борьбы в достижении конечной цели – победы мировой революции.

Конечно, на этом пути были и ошибки, и невероятные трудности. Не все дошли к намеченным целям. Но это не вина тех, кто падал в пути.

Александр Притыцкий в Школе младших офицеров в г. Вильно, 1929 г. (второй ряд, первый слева)

Были падения и взлеты, как в судьбах каждого, так и в борьбе в целом. Но они шли и звали за собой других, помогали прозреть заблуждающимся, поддерживали сомневающихся.

Сегодня, с высоты опыта, времени удач и ошибок мы видим, что, как и во всем коммунистическом движении мира, Коминтерне, КИМЕ, и Западную Белоруссию не обошла стороной «детская болезнь левизны». Но тогда, казалось, вера в победу мировой революции переросла в революционный фанатизм. Без этого, по-видимому, невозможно было противостоять белому террору, наступлению фашизма. Чем еще, как не революционным фанатизмом, можно объяснить массовое движение добровольцев всего мира через самые строгие запреты, границы, угрозы в борющуюся с фашизмом Испанскую республику?

А что двигало Н. Дворниковым, уроженцем Гомеля, уехавшим в Западную Белоруссию и возглавившим ее комсомол, а потом в Испании, в горах Эстремадуры, сложившим голову за свободу испанского народа? А что заставляло Веру Хоружую, также уроженку восточной части Беларуси, с огромным риском для жизни переходить границу и в Польше помогать своим «братьям» в их борьбе за свободу, за светлое будущее? И жизнь свою она отдала в борьбе с фашизмом. Не остались в стороне от общего настроения и мои братья.

Не укрылся от отца этот подлый настрой и деловитости Сережи и активность, частые отлучки из дома Саньки. Опасаясь за их жизнь, досадуя, что дома от сыновей все меньше помощи, отец не раз в сердцах выговаривал им: «Вам что, других дел нет, как политикой заниматься?! Видно, надоело быть на свободе, в тюрьму захотели? Подумали бы о нас с матерью, да и о младших позаботиться. Подумали бы, как лучше лишний злотый заработать. Сами лезете в петлю, революционеры-молокососы!».

Ну что они могли возразить на это? По-своему отец был прав. Жизнь подпольщика – это постоянный риск. Это жизнь, требующая отдавать себя всего – и мысли, и силы, и время. А быт? Неустроенность, постоянные дороги, ночевки где попало. Хорошо, если в чем-нибудь гумне, а часто – в копне сена, в лесу. «Но если не мы, то кто же? Младшим нужно добыть лучшую жизнь, чтобы у них было счастливое детство, чтобы они учились, а не росли пастухами, батраками, зависимыми от прихоти помещика, кулака, – думали братья. – Да, маму с отцом жалко, трудно им, но подрастают младшие. Вот Любе уже 13 лет, Витьке – 8, растут помощники. Выбор уже сделан...»

Услышав беседу отца с сыновьями, за них неожиданно заступилась мать: «Что ты попрекаешь их заработками? Не хуже других живем. Да и дети хорошие. Но у них своя дорога в жизни. Не становись им поперек этой дороги. Мы ведь с тобой их одинаково любим. И если мы не обеспечили им хорошую жизнь, если мы, по нашей глупости, уехали из России,

привезли их на эту каторгу, то не мешай им. Пусть они сами борются за свое и наше счастье».

Тут уж отец не стерпел. И свой взрывной характер, свой гнев обрушил на жену:

– Ну что ты вмешиваешься, что травишь душу? И без того тошно! – Но увидев недоуменный взгляд жены, уже тихо, спокойно снова заговорил:

– Да разве ж я против? Но как отец, я должен их предостеречь, чтобы не лезли на рожон. Пойми, Наташа, я боюсь за них.

Александр совсем мало бывает дома: он секретарь Гродненского окружного комитета партии. И Сережа вот-вот улетит. Потом он писал в своих воспоминаниях: «Я страстно мечтал о том, чтобы стать коммунистом, борцом за лучшую жизнь таких же обездоленных, каким был сам. В 1930 г. по рекомендации партячейки я вступил в комсомол, а через 3 месяца на подпольной районной комсомольской конференции был избран секретарем Крынковского райкома комсомола. С этого дня вся моя жизнь была посвящена революционной борьбе».

Через год, в 18 лет, Сергей становится членом Коммунистической партии Западной Белоруссии. В 1932 году его, как признанного вожака молодежи и умелого организатора, посылают на подпольную комсомольскую работу. Он стал секретарем нелегального Гродненского окружного комитета комсомола Западной Белоруссии, а чуть позже – Слонимского ОК КПЗБ.

От деревни к деревне, от хутора к хутору шел Сергей Притыцкий, создавая подпольные ячейки партии и комсомола, вовлекая в революционную борьбу десятки, сотни новых борцов. Сережа писал позже: «В условиях неслыханного террора, с тремя классами образования, секретарем окружкома комсомола работать было очень трудно. Но там, где не хватало опыта и знаний, выручало классовое чутье, чувство долга и ответственности за порученное дело». В это время у него появилась подпольная кличка «Аркаша».

Бывший подпольщик А.Я. Якубовский, который работал в то время на Браславщине, в Крынках, Слониме и других местах, в письме, присланном мне в 1971 г., писал, что в Крынках он впервые встретился с комсомольцем «Аркадием». Впоследствии он узнал, что «Аркадий» – это С.О. Притыцкий. С Притыцким он тогда побывал по комсомольским делам в Соколке, Берестовице, Гайновке. Второй раз они встретились в Вильно. Получив подпольную литературу, они разъехались. Автор письма уехал в Слоним, а Аркадий – в Лиду, где проходила забастовка рабочих фабрики «Ардаль».

Много им приходилось тогда ездить, проводить совещания секретарей комсомольских ячеек, конференции, организовывать издание листовок, воззваний. Не хотелось отставать от бурных событий, которые происходили в крае.

Мировой экономический кризис, охвативший большинство капиталистических стран, в Польше был особенно глубоким, затяжным и принял наиболее болезненные формы. Он беспощадно смыл те мизерные достижения, которых добились польские промышленники. Выразился кризис прежде всего в сокращении производства промышленных товаров при явном недостатке их в стране. А это влекло за собой сокращение рабочих мест. Следовательно, росла безработица, падали цены на сельхозпродукцию. И так отсталое, сельское хозяйство деградировало.

Безработица приняла катастрофический характер. Даже официальная польская статистика не могла скрыть факта, что в 1931 г. армия безработных составляла 498 тыс. человек против 78 тыс. в ноябре 1928 г. А если сюда добавить сотни тысяч «лишних рук» в деревне, то станет очевидным, что каждый второй рабочий был полностью или частично выброшен из сферы производства, поставлен на грань голода. Естественно, это порождало возмущение народа, часто выливавшееся в кровавые события.

Широкую известность в стране и за ее пределами получило выступление горняков Краковского и Домбровского угольных бассейнов, в котором приняли участие 35 тысяч человек. Полиция применила против горняков и их семей оружие. Шесть человек были убиты и более десяти – ранено. Но горняки не отступили, и через 9 дней хозяева предприятий и правительство были вынуждены пойти на уступки. Забастовка горняков завершилась их победой.

Итоги этой борьбы явились толчком, факелом для выступления других отрядов рабочих. По всей стране – в Варшаве, городах Домбровского бассейна, Кракове, Лодзинском округе, Львове, Верхней Силезии и т. д. – происходили выступления безработных.

В 1931–1932 гг. начались массовые выступления безработных в Лиде, Пинске, Бресте, Новогрудке, Барановичах. Сезонные рабочие организовали митинги перед магистратом в Гродно, Белостоке, Вильно. Во многих районах экономическая борьба переросла в политическую. Всеобщая забастовка текстильщиков продолжалась 10 недель. Наряду с экономическими требованиями бастующие требовали: «Руки прочь от СССР!».

Кроме белостокских текстильщиков, в 1932 г. бастовали рабочие лесозаводов в Гайновке. В Гродно не работало свыше трети предприятий. Три месяца бастовали рабочие Ганцевичского и Виленского стекольных заводов. В Вильно бастовали рабочие кирпичных, лесопильных, кожевенных заводов, в Гродно – рабочие табачных фабрик.

Нужно отметить активизацию борьбы крестьян Западной Белоруссии. Для этих лет характерны так называемые забастовки-бойкоты. Крестьяне отказывались везти на рынок сельхозпродукты и покупать

промышленные товары. Это был ответ на введение высоких розничных пошлин и сборов, ограбление крестьян картелями, скупающими оптом сельскохозяйственную продукцию по низким ценам.

Первая такая забастовка вспыхнула в Галиции, но быстро распространилась по всей стране. К таким выступлениям присоединились крестьяне, требующие отмены непомерных налогов, бесплатных дорожных строителей (шарварков). Власти издевательски называли шарварки «праздниками труда».

Сергея вызвали в Вильно в секретариат ЦК КПЗБ. Эта была первая Сережина поездка в этот город. В Гродненском окружном комитете партии ему дали ориентировку, где находится явочная квартира. По улицам Шопена, Большой Стефановской и Завальной он должен пройти до продовольственного магазина – здесь явка. Напротив товарный магазин. У окна маленькой чайной, если все в порядке, должна сидеть девушка-связная. Она должна спросить: «Не желаете ли пообедать?», а он ответить: «Я обедаю в 3 часа». Девушку эту звали Катей.

Сергея вспоминал, что он обратил внимание, как нарядно украшен город, на улицах полно народа. Оказывается, отмечали праздник «Дни моря» и ждали приезда Пилсудского. И вдруг над площадью взлетели в небо голуби с красными ленточками. Так вильнюсские комсомольцы этими ленточками – частицами красного знамени – выразили протест против приезда Пилсудского. Потом Сережа шутил: «То ли Пилсудско-го, то ли меня приветствовали».

Сергея поехал в Вильно с информацией о положении дел на Гродненщине. Там ему предстояло встретиться с опытными, с большим стажем подпольной работы «Мартином», «Зохой» и новым секретарем ЦК КПЗБ «Петром», который должен был проинструктировать «Аркадия», ввести в курс предстоящих дел.

Зачно «Петр» уже немало слышал об «Аркадии» от своего предшественника «Бориса». В подтверждение своих положительных оценок «Борис» рассказал «Петру», что именно «Аркадию» удалось восстановить связь с Берестовицкой организацией после провалов и арестов ее активистов, что именно «Аркадий» организовал в деревнях отряды, которые выгоняли сборщиков налогов – «секвестраторов», описывавших имущество крестьян за недоимки. Летом 1932 г. при непосредственном участии «Аркадия» была организована забастовка батраков Берестовицкой гмины, создано 9 забастовочных комитетов, налажена связь со всеми комсомольскими ячейками округа.

«Борис» рассказывал «Петру» о встрече с «Аркадием» в Гаркавицах, где его особенно заинтересовала довольно большая библиотека, богатая марксистской литературой. На вопрос: «А на какие деньги покупаете книги?» – «Аркадий» ответил: «На деньги кулаков и помещиков, – и пояснил: – Они ведь платят нам на поденщине, за батрачество». «Петр»

подробно расспрашивал «Аркадия», как по его инициативе состоялась в Крынках забастовка солидарности с бастующими текстильщиками Белостока, как он со своими товарищами собирали средства в пользу бастующих. Это от них в Белосток прибыла делегация молодежи Гродненщины. Возглавлял ее секретарь окружкома Сергей Притыцкий. Они привезли деньги и продукты. «Мы вручаем вам, дорогие товарищи, все, что смогли собрать. Пусть эта скромная поддержка вдохновит вас, укрепит ваш дух. Будем и дальше крепить нашу дружбу», – говорил Сергей на митинге.

Громким эхом по всей Западной Белоруссии прокатилось известие о борьбе крестьян Новогрудчины. Против них были направлены карательные экспедиции, которые разорили десятки деревень. В июле 1932 г. в Новогрудке по приговору чрезвычайного суда были повешены 4 человека, 5 – приговорены к пожизненному заключению и 44 – к девяти годам тюремного заключения.

Пролилась кровь и в деревне Новоселки Кобринского повета, в Супрасле – пригороде Белостока. Во время демонстрации рабочих деревообрабатывающей и лесозаготовительной промышленности Беловежской пушчи также дело дошло до кровавых столкновений с полицией.

Против жестокого социального и национального гнета выступили такие видные польские писатели как Ванда Василевская, Леон Кручковский, Владислав Броневский.

Политическая обстановка на «Кресах Выходных» слабо развитая промышленность, массовая безработица, «длинные руки» в деревне вынуждали белорусов искать лучшей доли за границей. Мы уже говорили о Столыпинской аграрной реформе, когда миллионы белорусов от нужды и безысходности поверили российским чиновникам и согласились выехать в Сибирь, Забайкалье. Примерно те же причины двигали людьми в 1914–1915 гг., когда, кроме опасения за жизнь, за разорение войной, хоть и бедного, часто жалкого своего имущества люди надеялись, что где-то там, за горизонтом они обретут не только мир, но и землю, работу, хлеб, достойную, обеспеченную жизнь. Уезжали в поисках работы из Беларуси и до 1921 г. и после.

Из наших краев – Соколычины и вообще территории Западной Белоруссии, уезжали и на Запад, в Америку, Канаду, Австралию и другие страны. И, что характерно, подавляющее большинство уехавших не забывали родину, по возможности помогали не только родственникам, но и просто землякам.

Хочу привести один такой показательный пример. Только в Чикаго с 1892 по 1913 гг. приехали 95 тысяч белорусов. На то время это был самый «белорусский» город США. Так, в 1919 г. туда приехал с Белостотчины Петр Чарапук вместе с земляками М. Скуратовичем, В. Трофимовичем и П. Чопком. Там они создали Союз белорусов. А в 1920 г. возникла ор-

ганизация Белорусский национальный комитет. Чарапук много делал по сбору средств в поддержку белорусских школьников и студентов из Западной Белоруссии, обучающихся в Польше, Чехословакии, других странах, оказывал помощь общественным организациям и творческим самодельным коллективам. Впоследствии его сын, Янка Чарапук, был одним из организаторов Белорусско-американского национального объединения, которое ставило своей целью собирать средства для помощи жертвам Второй мировой войны. А ведь таких примеров немало.

Приход Гитлера к власти в 1933 г. получил широкий резонанс в Польше. Рядовые граждане сразу распознали агрессивность гитлеризма, смертельную опасность для польского народа, для национальной независимости страны. Польская же реакционная буржуазия, помещики, власти приветствовали фашистскую идеологию, в которой так ярко сквозила ненависть к коммунизму, к Советскому Союзу. Обстановка в стране обострялась.

Тем временем над Сережей сгустились тучи. Его активная деятельность не могла долго оставаться незамеченной охранкой. В это время он находился на полулегальном положении. По заданию ЦК партии Сережа должен был установить контакт со старым подпольщиком Александром Кишкедем, который после 8-летнего тюремного заключения вышел на свободу. Очень нужен был в рядах борцов этот опытный, закаленный, испытанный жизнью и тюрьмой товарищ.

По дороге к Кишкеде в деревне Озеры, как вспоминал бывший секретарь ЦК ЛКСМЗБ С. Анисов, в районе Индуры Сережа встретился с инструктором ЦК «Шурай» и другими товарищами, с которыми они обсудили вопросы, касающиеся предстоящей конференции окружной комсомольской организации. А в доме Кишкеде его уже ожидала засада. Так, 3 мая 1933 г. Сережа был в первый раз арестован.

В полицейском участке его избили до неузнаваемости, пытались получить признание, куда и зачем он шел, и отправили в гродненскую тюрьму. Там его подвергли жестоким пыткам. Об этом свидетельствует сохранившаяся до наших дней тюремная фотография в трех ракурсах. На ней запечатлелось измученное, исхудалое лицо, один глаз заплывший, а второй – живой, излучает решимость, твердость и ненависть к палачам.

Сережа вспоминал: «На вторые сутки меня снова пытали, потом с закованными руками и ногами отвезли в Берестовицу на опознание, где я за два дня до ареста выступал на митинге. Здесь пытали на протяжении пяти дней, требуя нужных им признаний. Из Берестовицы, не добившись успехов, отвезли снова в Гродно, в дефензиву, где снова подвергли пыткам. Снова безрезультатно. Посадили в гродненскую, известную в то время суровостью режима, тюрьму. Но посадили не с политическими, а с уголовниками. Я был так сильно избит, что в камеру с по-